

Матьяна Грачёва

Когда человек теряет свое "я", даже
зеркало перестаёт его отражать

САНДАЛИКИ

16+

Татьяна Александровна Грачева

Сандалики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55331615

SelfPub; 2022

Аннотация

Леся никогда не любила зеркала, даже в одиночестве избегала в них смотреться. Однажды её отражение пропало, а вместо него в зеркале оказался незнакомый юноша с замашками доморощенного психолога и мешком волшебных пенделей. Что же стёрло отражение Лели: болезненная безответная любовь, привычка соответствовать ожиданиям требовательной матери или стремление глубже спрятать своё «я» и похоронить желания в угоду окружающим? И почему всё-таки сандалики?

Содержание

Глава 1. Кукла	4
Глава 2. Поговорить	19
Глава 3. Принц	46
Глава 4. Семья	72
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Татьяна Грачева

Сандалики

Глава 1. Кукла

Снег не был белым, да и не выглядел как задуманное природой явление: мокрая, грязно-серая жижа пополам с песком. Небо опустилось на город, придавив мутно-серым брюхом крыши домов и заслонив едва показавшиеся молочные облака, сулившие буран. Огни гирлянд утратили игривость и нарядность, светились истощённо, блёкло, будто зимние каникулы выжали из них последние силы.

Прошла всего неделя после Нового года, а праздники уже потеряли желанность, каждый третий прохожий напоминал уставшего зомби, заполненного под завязку оливье и мандаринами. Как же быстро ожидание волшебного праздника сменилось усталостью и подавляемым раздражением.

Лёля торопилась, бежала вприпрыжку, набирая разгон перед очередной лужей, ловко перескакивала её и чуть замедлялась. По отведённой до автоматизма привычке она улыбалась тем, кто встречался с ней взглядом, одаривая такой ничего не значащей отрешённой улыбкой, которую мама называла «дань вежливости». Лёля не задумывалась, почему улыбается, ведь весёлости она не ощущала абсолютно, но мамин

ны уроки въелись в подкорку, помогая успешно создавать образ воспитанной уравновешенной девушки. Именно такой Лёля себя и считала: может быть, немного скучной, предсказуемой, зато совершенно адекватной и надёжной. Вот и Герман постоянно говорит: «Лёшка, ты настоящий друг». Тут она не выдержала и поморщилась. Уж кем-кем, а другом ей точно быть не хотелось.

Вечер быстро сменился сумерками и намеревался перейти в ночь. За то время, что Лёля шла от места работы до квартиры Германа, день окончательно погас, и из-за дома показалась наглая откормленная луна. Летом в это же время она боязливо пряталась, ожидая долгих зимних ночей. Дождалась.

С неба повалили крупные мокрые хлопья, январь изо всех сил притворялся зимой, но на мороз его не хватило: вот и снег получился ущербный, наполоам с дождём. Тяжёлые снежинки таяли ещё до соприкосновения с кожей, оседая сыростью на щеках. Лёля опустила голову и надвинула капюшон. Перед выходом она обновила макияж, который теперь грозил превратиться в грим унылого клоуна. Влажные снежинки на секунду прилипали к ресницам и тут же стекали на щёки мутными ручейками, прихватывая с собой тушь и подводку.

Не сбавляя шага, Лёля достала из сумочки зеркальце, опасаясь увидеть, что сделала с ее лицом поплывшая косметика. Щёлкнула кнопкой, откидывая верхнюю половинку, и...

споткнулась.

На секунду в отражении показались чужие глаза с белёсыми ресницами, без грамма макияжа. Она не сразу сообразила, что взгляд из зеркальца демонстрирует не только радужку голубого цвета, при том, что саму Лёлю природа наградила зеленовато-карими глазами, но и, кажется, принадлежит мужчине. Она моргнула, прогоняя галлюцинацию, и попыталась улыбнуться. Сердце уже зачастило, разгоняя адреналин в крови и звеняще натягивая нервы. Выдохнув на зеркало, Лёля протёрла гладкую поверхность перчаткой и с деланой весёлостью прошептала, глядя уже в свои привычные глаза: «Чёртовы сандалики».

Вытерев под веками тёмные дорожки, Лёля ожесточённо захлопнула крышку зеркальца и тряхнула головой, скособочив объёмную меховую шапку. Она не любила краситься, но в магазине, куда устроилась полгода назад, требовалось не только соблюдать дресс-код, но и во всём выглядеть безупречно: пришлось записаться на маникюр и освоить азы искусства рисовать на веках.

Будучи юристом по образованию, Лёля ни дня не работала по специальности. Какое-то время привыкала к взрослой жизни под крылом матери – завуча в школе, – выполняя обязанности секретаря, попросту личной прислуги. Получала крохи, но, живя с родителями, тратила не так уж и много, больше откладывала, рассчитывая в будущем откатиться подальше от генеалогической яблони.

Накопить Лёля так и не успела – решение выпорхнуть из-под родительского крыла приняла не она. Мама авторитетно заявила, что в двадцать семь лет пора бы жить отдельно, полностью себя обеспечивать и завести хотя бы кактусы. Нина Валерьевна сама в этом возрасте уже дважды побывала в браке, воспитывала дочку и мужа, работала в двух местах, на одном для авторитета, на другом за деньги.

Лёля, как обычно, согласилась с матерью и переехала жить в однокомнатную съёмную квартирку на другом конце города. Нина Валерьевна не так уж далеко отпустила непутёвую дочь, продолжая её контролировать посредством сотовой связи и дёргая за поводок каждые выходные.

Уже три года Лёля жила отдельно. Не сразу, но научилась выделять необходимую сумму для оплаты коммунальных услуг и распределять бюджет так, чтобы оставались деньги на проезд в общественном транспорте и булочку в кафе.

Нина Валерьевна подыскала для дочки непыльную работу в недрах организации, торгующей одноразовой пластиковой посудой и упаковочным материалом, и опять не по специальности. Лёля выполняла обязанности менеджера по продажам, вполне успешно втюхивая вездесущий пластик неразборчивым покупателям в течение двух с половиной лет, пока организация не обанкротилась. В этот раз мама не успела подыскать для неё тёплое местечко – её опередила подруга Ира.

Ира трудилась продавцом-консультантом в магазине жен-

ской одежды с претенциозным названием New look¹ и за- тащила подругу на освободившееся место. Лёля не успела побездельничать: побыла безработной два дня и окунулась в непривычную, пропахшую дорогими духами обстановку. Нина Валерьевна только снисходительно кивнула, позволяя дочке работать в далёкой от карьерного роста сфере. Она поклонялась двум богам: Деньгам и Авторитету. А должность консультанта в фешенебельном магазине вполне подходила для адептки первого божества.

Несмотря на приличную зарплату, Лёля тратила мало: только по необходимости, старалась не делать крупных покупок без одобрения мамы. А подарки для Германа вообще скрывала, заслуженно ожидая порицания из-за импульсивных, неоправданных трат.

Купив в магазине радостно-розовый батон докторской колбасы и вырезку для стейков, Лёля удовлетворённо взвеси- ла в руке тяжёлый пакет. Герман ни дня не мог прожить без мяса, а котлеты и тефтели не попадали под это опреде- ление. Хищник в нём признавал только цельный кусок, без лишних добавок в виде риса и хлеба.

У пятиэтажки, где жил Герман, Лёля закинула голову вверх и нашла взглядом окно его квартиры. Свет горел во всех комнатах, позволяя следить за перемещениями хозяи- на из комнаты в комнату. Сколько раз она говорила другу задёргивать шторы и не развлекать случайных прохожих де-

¹ New look -дословно новый имидж, новый стиль.

монстрацией успехов в тренажёрке. Герман поначалу упирал на забывчивость и рассеянность, но однажды, задержавшись под его окном подольше, Лёля обнаружила ещё одну причину – позёрство. Герман стоял за стеклом с романтично-задумчивым видом, замерев в неестественном и, скорее всего, неудобном положении, позволяя оценить округлый бицепс и вздымающуюся грудь. В широкой ладони он бережно баюкал кофейную чашку, но напряжённость мышц свидетельствовала о нагрузке совсем другой интенсивности: перед тем как показаться зрителям, он не забыл отжаться и потягать гантели.

Лёля печально вздохнула: хорош, зараза. В такого видно-го мужчину легко влюбиться. Даже не нужно уговаривать себя испытать симпатию: она сама возникает, поражая стремительней ветрянки. Высокий, ухоженный, с трёхдневной щетиной в любой день недели. За пшеничную шевелюру Герман ещё в школе получил прозвище Лев. Преподносил себя соответствующе и не страдал от заниженной самооценки. Зато от его любвеобильности мучилась Лёля, уставшая напоминать имена восхищённых поклонниц.

Внешность Германа легко описывалась одним словом – основательность. Гибкость и плавность не про него, скорее мощностъ и устойчивость. Своими размерами Герман подавлял ровно до того момента, пока на его лице не расцветала улыбка. Ею он пользовался как оружием массового поражения, с лёгкостью влюбляя в себя трепещущие сердца одино-

ких барышень. Очень уж напоминал оголённого страстного лорда или босса с обложки любовного романа, в ладони которого даже самая широкая огрубевшая женская рука выглядит как птичья лапка.

Почти пять лет Герман пестовал юных волейболистов, тренируя юношескую сборную края. В этом году набрал очередных ребят: зелёных и пугливых. Квохтал над ними, как наседка, больше выполняя роль старшего брата, чем тренера. Несмотря на плотный график, не забывал регулярно наведываться в тренажёрный зал для поддержания горы мышц в устрашающей форме.

Не успела Лёля нажать на кнопку звонка, как дверь приветливо распахнулась: Герман увидел подругу в окно ещё на подходе к своему логову одинокого развратника и встретил с широкой искренней улыбкой.

– Лёшка, я тебя заждался, чуть с голоду не сдох. Что там у тебя?

Лёля едва заметно поморщилась, услышав привычное прозвище, которое так и не стало приятным, несмотря на мягкость звучания. Герман всем раздавал клички, одаривая новым именами знакомых ещё со времён школы. Благодаря ему, уважаемый строгий директор школы, которую они закончили двенадцать лет назад, превратился в Выхухоля, а мама Лёли, работающая завучем там же, – в Лономию².

² Лономия – ядовитая гусеница, её тельце покрыто многочисленными волосками, которые содержат самый токсичный натуральный яд.

Иногда Герман проявлял изобретательность и фантазию в выборе прозвищ и настойчиво насаждал их среди сверстников, укрепляя своё лидерство даже в этом.

Лёля прошла в прихожую и, сняв шапку, отряхнула с неё мокрый налипший снег.

– Кровавый кусок коровы, естественно.

Её волосы, вырвавшись на свободу, приподнялись плотной рыжеватой массой. От влажности закурчавились, сводя ежедневные старания выпрямить их к нулю.

Герман открыл пакет и плотоядно облизнул губы.

– Лёшка, ты моя спасительница, – он притянул Лёлю за шею и крепко прижал к себе, заставляя уткнуться носом в открытый ворот рубашки.

Она судорожно вздохнула, наслаждаясь теплом его кожи.

– Задушишь, – слабо запротестовала Лёля.

Герман чмокнул подругу в макушку и отпустил. Он словно не заметил, как она потянулась за ним, желая продлить объятия.

Пока Лёля кашеварила на кухне, Герман громко подбадривал игроков любимой волейбольной команды, сильно расстраивающих его своей косолапостью. Он порывисто вскакивал с дивана, хватался за голову, приводя в беспорядок пшеничную шевелюру, и страдальчески восклицал:

– Ну кто так играет? Руки оторвать нужно!

На его крики Лёля выглянула из кухни и осуждающе покачала головой.

– Без рук они лучше играть не будут.

– Они и так играют будто клешнями!

Лёля вытерла руки о фартук и замерла в проёме дверей.

– Ужин уже готов. Там ещё на завтра останется, только разогреть нужно.

Герман рассеянно кивнул, не отрывая взгляд от экрана. Но направился на кухню только после окончания игры. Вдохнув дразнящий аромат поджаренного с приправами мяса, восторженно произнёс:

– Ммм, божественный запах!

Встав за спиной подруги, Герман опустил тяжёлые ладони на её плечи и слегка погладил пальцами.

– Я тебя люблю, Лёшка. Что бы я делал без тебя?

Лёля вымученно улыбнулась, сосредоточившись на его руках, придавивших её к сиденью так, что согнулась спина.

– Естественно, сдох бы с голоду, – сказала она словами Германа и склонила голову, касаясь щекой тыльной стороны его кисти.

После ужина Лёля вымыла посуду и упаковала в пластиковые контейнеры оставшиеся стейки. После этого получила лёгкий благодарственный поцелуй в губы от сытого хозяина – ещё одно признание в любви – и натянула влажное пальто.

Герман не предложил остаться, хотя за окном вечер уже переродился в ночь, а погода всё так же оплакивала заканчивающиеся праздничные каникулы. Лёля застопорилась у порога, давая возможность остановить её, но Герман уже вер-

нулся к телевизору и выкрикнул из комнаты:

– Пока, малыш! Я уезжаю в Ставрополь с младшей группой на несколько дней. Уже по тебе скучаю.

– Удачи. Порвите там всех, – искренне пожелала Лёля, зная, как трясётся Герман над своими подопечными и сколько сил вкладывает в подрастающих волейболистов.

Она натянула шапку и, вставив в уши бусины наушников, покинула квартиру.

Домой шла другой дорогой, нарочно сделала крик, чтобы прогуляться вдоль железнодорожных путей. Дождь прекратился, но теплее от этого не стало. Воротник колотся мокрой шерстью, в сапогах ощутимо хлюпало, но Лёля не замечала этого, потому что погрузилась в размышления о мелькнувшем в зеркальце взгляде. Больше месяца «сандалики» не проявляли себя, и она почти поверила в собственную нормальность. И вот опять видит в отражении то, чего нет и быть не может.

Лёля бросила в сторону блестящих рельсов угрюмый взгляд. Металл сверкал в темноте хищно и насыщенно, словно лезвие ножа, отражая неясной тенью силуэт самой Лёли. Песня в наушниках закончилась, и случайный выбор выдал очередное творение корейской мальчуковой группы. Понималось непривычное звучание незнакомых, рваных слов, будто солисты задыхались и торопились пропеть как можно больше предложений в установленный отрезок времени. Пристрастие к молодёжной группе Лёля считала постыдным:

плейлист в её телефоне охранялся, как завешание миллионера. Даже близкие подруги не знали, что, помимо серьёзной, подобающей её возрасту музыки, Лёля слушает корейскую попсу.

Добавив громкость, она ускорилась, намеренно попадая в такт песне. Мыслями овладело странное оцепенение. Они ворочались неохотно и медленно, будто каменные валуны, а сквозь прорехи между ними ручейками просачивалась горьковатая обида на Германа. Сверху подсыхающими лужицами поблёскивали раздумья о завтрашнем рабочем дне, но довлеющими, грозящими, словно цунами, накрыть сознание Лёли, были картинки из детства и «чёртовы сандалики».

* * *

Первое детское воспоминание, оставившее ощущение начавшейся шизофрении и одновременно пробудившее в Лёле буйную фантазию, относилось к седьмому дню рождения, точнее, ко дню после него. На праздник тётя подарила имениннице шикарную куклу ростом с саму Лёлю. Это чудо звали Зоей. У куклы была копна блондинистых кудрей и белое платье с рюшами и горохом по всей ткани. Нина Валерьевна сразу же окрестила куклу «пустой тратой денег и пылесборником», а Лёля влюбилась в неё и назначила старшей сестрой, которую ей всегда хотелось иметь.

Лёля не играла с Зоей – включила её в свою жизнь на пра-

вах живого существа, делилась идеями для игр и спрашивала советов.

Мама целый день наблюдала за их общением, мрачняя с каждой минутой всё больше. Вечером Нина Валерьевна заглянула в комнату дочери, чтобы позвать на ужин. Но увидев странную картину, замерла у порога: Лёля сидела на кровати, а куклу устроила рядом, прикрыв её ноги пледом и подложив под спину единственную в комнате подушку. Она читала Зое книгу. Спотыкалась, длинные слова не заканчивала, заменяла другими, начинающимися на те же буквы, и весело смеялась, якобы получая от куклы остроумные и крайне весёлые комментарии.

Нина Валерьевна качнула туго стянутым на затылке узлом волос и пригладила вырвавшуюся на свободу прядь.

– Тебе семь лет. В этом году ты идёшь в первый класс.

Лёля оторвала вдохновенно-рассеянный взгляд от книги и перевела его на хмурое лицо мамы. Она ещё не поняла, к чему клонит родительница, но по тону догадалась, что мама чем-то недовольна.

– Да-а, – протянула Лёля.

– Об учёбе думать нужно, а не в куклы играть.

– Я и не играю. Зоя – моя подруга.

Лёля не заметила, как это произошло: Нина Валерьевна впадала в ярость без перехода, разгораясь, как бенгальский огонь, за считанные секунды. В два шага она пересекла комнату, стянула куклу за ногу с кровати и небрежно отбросила

в угол к другим игрушкам.

– Это кукла, – Нина Валерьевна не повысила голос, но теперь в нём звучала едва сдерживаемая злоба, отразившаяся в глазах и порывистых движениях. – Хочешь, чтобы в школе тебя дразнили сумасшедшей? Чтобы тыкали в тебя пальцем и задирали все, кому не лень?

Лёля хотела отрицательно покачать головой, но случайно кивнула и тут же, испугавшись своей ошибки, так энергично замотала головой, что в глазах зарябило.

– Не хочу.

– Будут, – уверенно заключила Нина Валерьевна. – Если ты не прекратишь вести себя как сумасшедшая, обязательно будут. Пора немного повзрослеть. Тебе уже не пять лет, ты будущая школьница, и ответственность у тебя будет большая. И по тебе будут оценивать мои успехи как педагога. Будь добра соответствовать статусу дочери завуча.

Эти требования, только в разных вариациях, Лёля ещё не раз слышала от мамы, некоторые фразы заучила наизусть, но тогда она кивала, сдерживая слёзы и поглядывая на одинокую Зою, неудобно присевшую у стены.

– Я буду хорошо учиться! – с жаром пообещала Лёля.

– Приводи себя в порядок, и за стол, – шумно выдохнула Нина Валерьевна, одёрнула кофту и удалилась.

Лёля стянула непослушные кудри в хвост, из него сплела тугую косу, поменяла измятую футболку и ринулась к дверям. У порога оглянулась на несчастную покинутую Зою: её

голова склонилась, а кукольный взгляд выражал укор и обиду. Лёля переборола в себе желание вернуться и усадить куклу поудобнее. Она лишь бросила взгляд в зеркало на двери шкафа, желая убедиться, что пышные волосы не выбрались на свободу. В отражении за своим плечом она увидела куклу: на пластиковых ногах красовались ярко-оранжевые сандалики. Лёля тихо вскрикнула и резко развернулась. Зоя сидела в той же позе, вытянув босые ноги, и буравила её неподвижным взглядом.

Лёля снова кинулась к зеркалу, заметалась взглядом в попытках разыскать странные сандалики в отражающейся комнате, но их и след простыл. Лёля подышала на гладкую поверхность, протёрла её ладонью и на долю секунды снова обнаружила сандалики, но уже не на ногах Зои, а на книжной полке. Стоило ей моргнуть, как видение исчезло, оставив после себя оранжевые пятна в глазах.

С тех пор «чёртовы сандалики» появлялись регулярно, правда, помимо обувной пары, имелись и другие странные видения, преследующие Лёлю настойчиво и, как ей казалось, совершенно бессистемно.

* * *

В свою квартирку Лёля вернулась в насквозь промокших сапогах и в дурном расположении духа. Не включая свет, она разделась и прошла в комнату, освещённую разноцвет-

ными огнями ёлочной гирлянды. Как ни странно, праздничное убранство комнаты и мерцание огоньков не навевали весёлое настроение, а скорее вызывали тревогу, словно полицейская мигалка или беспокойный сигнал скорой помощи, торопящейся на вызов.

Приняв душ, Лёля укуталась в тёплую фланелевую пижаму, выбранную мамой из-за комфорта и выгодной цены, и опустилась на пол напротив зеркальной стенки шкафа. Огни ёлки хаотично скользили по её лицу, расцвечивая кожу причудливым узором, загадочно углубляли взгляд.

– Я ему нужна, – печально пробормотала она, разглядывая своё отражение. – Он уже это чувствует, просто... я сама виновата.

Лёля пригладила волосы. После уличной сырости они вновь закурчавились, скручиваясь в крупные локоны. По привычке она стянула их в тугую косу и отбросила за плечо. Утром снова выпрямит или соберёт в пучок, иначе будет выглядеть как пугало. Непослушные волосы, видимо, достались ей от родного отца, которого она никогда не видела. Набрёдя на неприятное воспоминание, Лёля скривилась и включила плеер на телефоне. Тонкие голоса вновь заполнили комнату, выпихивая из головы непрощенные раздумья. Лёля чуть убавила звук, чтобы песня не пересекала порог комнаты, и прикрыла глаза. Завтра будет новый день, и его тоже нужно пережить.

Глава 2. Поговорить

Лёля поправила лацканы пиджака на мужчине и отступила на шаг назад, чтобы удостовериться, что все элементы дорогостоящего экстерьера хорошо сочетаются и подходят самому носителю.

Клиент выглядел довольным, хотя всего десять минут назад шумно и некрасиво ругался из-за рубашки недостаточно лилового оттенка. Василий Николаевич уже три года являлся постоянным клиентом магазина, отличался буйным темпераментом, высокими запросами и толстым кошельком. Любил, когда его не просто обслуживали, а угождали, лебезили и чуть-чуть флиртовали. Такие тонкости не каждому работнику магазина были по плечу, а Лёля справилась и даже ни разу не поморщилась, услышав пренебрежительное обращение «девица».

Кроме Лёли, в магазине, именуемом «салон» и никак иначе, трудились ещё два консультанта: Ира и Денис. Ирина одевала женщин в возрасте и семейные пары, ибо умела подать себя как деталь интерьера, ревновать к которой просто смешно. Денис специализировался на молодых дамах, активно снабжающих его номерами телефонов. А Лёле чаще всего доставались одинокие мужчины. Она могла принимать заигрывания, но не переходить черту дозволенности, всегда выглядела достаточно несчастной, чтобы вызвать у клиентов

желание потратить сумму покрупнее.

New look не отличался большой площадью и посещаемостью, как магазины, расположившиеся на первом этаже торгового центра. Не зазывал прохожих красными ценниками, выставляя напоказ завалы вещей из тонкого, быстро линяющего трикотажа и вездесущих джинсов. В салоне никогда не проходили распродажи и акции, круг клиентов пополнялся медленно: чаще за счёт устных рекомендаций и мелькания в телевизоре постоянных посетителей магазина. Это был другой уровень. Сюда шли за полным преображением, желая получить комплект вещей на весь сезон и угоститься шампанским во время примерки.

Никто из троицы консультантов не мог себе позволить пахнуть чипсами или сигаретами после перерыва, да и сам обед откладывался в угоду клиентам, приходящим в любое удобное для них время. Лёля быстро привыкла к новым правилам, приняла требования руководства и, с блеском выдержав испытательный срок, влилась в коллектив.

Василий Николаевич покинул салон довольный не столько хорошим обслуживанием, сколько выпавшей возможностью от души на кого-нибудь наорать.

Лёля проводила его рассеянным взглядом и сразу же отошла от зеркала. Едва зацепилась взглядом за край синего платья, мелькнувшего в отражении, но ничего необычного не увидела. С последнего появления чертовщины прошло уже больше недели, и это успокаивало.

Привычным жестом она заправила выющиеся пряди за уши, возвращая причёске строгость, и замерла у панорамного окна. Яркое освещение в салоне контрастировало с серой хмарью на улице. Люди выглядели как больные нахохлившиеся голуби: прятали подбородки в шарфы, поджимая плечи. Плотная туча заволокла небо, опустилась туманом, стирая детали. Ни ярких цветов, ни улыбок: всё серое.

Лёля собрала вешалки с пиджаками, оставшимися после примерки, и принялась разносить их по местам, тихо напевая мотив услышанной утром песни. В голове вертелись интересные рецепты кексов, которые порадуют Германа. Особенно если в начинку засунуть побольше мяса. Все её кулинарные изыски он воспринимал как должное, почти равнодушно. Глаза загорались только при виде блюд, которые раньше бегали, прыгали и желательно мычали.

Торт «Панчо», отнявший у Лёли полдня, был съеден фоном к очередному волейбольному матчу и остался незамеченным, в отличие от успехов Михайлова³ на площадке. Лёля уже не ждала благодарности: ей нравился сам процесс создания чего-то необычного и оригинального из знакомых и, казалось бы, несочетающихся ингредиентов.

Из примерочной вышла Ирина. Прислушалась к пению Лёли и картинно отбросила бархатную завесу в сторону.

³ Максим Михайлов – игрок клуба Зенит-Казань. Олимпийский чемпион (2012), Бронзовый призер (2008), Лучший нападающий (2012), Самый результативный игрок (2012).

– Аллигатор ушёл?

Лёля слегка кивнула: фамильярность, с которой Ирина отзывалась о некоторых клиентах, её коробила и заставляла встревоженно оглядываться.

– Только что. От ремня отказался. Хотел более крупный рисунок крокодиловой кожи.

Василий Николаевич отличался маниакальной тягой ко всему, что сделано из крокодила, и, если бы Лёля не занималась его гардеробом, ограничивая количество кожаных изделий, он бы натянул на себя крокодила целиком, с макушки до пяток, и щеголял бы в таком виде.

На полпути к подруге Ира приостановилась у зеркала. Приосанилась, расправила складки на плиссированной юбке и тряхнула светлыми волосами. Пряди послушно опустились на плечи, возвращаясь в первоначальную причёску. Ей не приходилось каждое утро возиться с кудрями, потому что шевелюра вела себя послушно, поддавалась укладке и не стремилась выйти из-под контроля.

На фоне аппетитной Иры совсем не худая Лёля выглядела истощённой и блёклой. Подруга обладала выдающейся фигурой: слегка полноватой, с красивой линией бёдер и узкой талией. Не каждому жениху будет по силам перенести пышущую здоровьем невесту через порог загса. Такая и сама перенесёт, даже если наречённый будет упираться. Лёля сразу подумала, что Герман бы точно смог. Но они с Ирой почему-то не ладили, видимо, из-за того, что та оказалась сверхъ-

естественно устойчива к его обаянию.

С Ириной Лёля познакомилась четыре года назад. По мнению подруги, эта встреча была predetermined свыше и начертана на линиях судьбы. В то время Ира увлекалась астрологией и накидывалась на потенциальных клиентов прямо на улице. Лёля не смогла избавиться от настойчивой особы, почувствовавшей «родственную натуру эманациями души», и приняла дружбу. Поначалу быть приятельницей Иры оказалось несколько утомительно, но постепенно Лёля привыкла к увлекающейся шумной натуре подруги и даже начала испытывать благодарность за её кипучую энергию и лёгкий нрав.

Ирина прислушалась к мотиву, что напевала Лёля.

– На каком языке ты вообще поёшь? Звучит как заклинание.

Лёля резко оборвала весёленький мотив, не забыв залиться румянцем. Как она ненавидела в себе эту неудобную и предательскую способность краснеть! Стоило её хоть немного разволноваться, как щёки начинали лихорадочно алеть, выдавая внутреннее состояние. Мама ещё в детстве распознала эту особенность и использовала как детектор лжи. Но самое ужасное, что Лёля краснела даже в тех случаях, когда правда звучала не слишком убедительно, или же сама она подсознательно боялась вызвать недоверие.

Не поворачиваясь, Лёля с деланным спокойствием расправила вешалки на круглой стойке.

– Я даже не знаю, что это за песня. Слышала по радио, мотив такой приставучий.

Ира сделала вид, что не заметила сбивчивых оправданий. Она всю жизнь потратила на то, чтобы чего-то не замечать. Особенно преуспела в лицедействе насчёт своей внешности. на свист не оборачивалась с пятнадцати лет, а на реплики об аппетитной заднице перестала реагировать ещё через два года.

– Пойдём обедать? – весело предложила она, оставляя тему музыки.

Лёля пристроила последнюю вешалку и оглядела пустое помещение. Денис листал каталог в ожидании клиентки, сидя в кресле, и лениво болтал ногой в начищенном до зеркального блеска ботинке. Одевался он только в New look, несмотря на то, что на одну-единственную деталь гардероба приходилось копить около месяца. Он откликался только на англоязычную форму собственного имени – Дэн – и был уверен, что траты стоили ощущения всемогущества, которое дарили брендовые рубашки и ботинки.

Лёля неуверенно запротестовала:

– Нельзя уходить вдвоём.

Ира воровато оглянулась на Дэна и подмигнула ей.

– Он не сдаст, я его два дня назад прикрыла, так что не дрейфь, – видя нерешительность подруги, подтолкнула её к выходу. – Пообедаем нормально в кафе, а не на бегу.

Лёля нехотя побрела к распашным дверям, подгоняемая

сзади настойчивой приятельницей.

Они пересекли просторный холл, уже не блестящий новогодними украшениями. Только утром рабочие закончили снимать огромные зеркальные шары и унесли пушистых оленей: останки праздника упокоились в складских помещениях, а кое-что отправилось прямо на свалку. Холл выглядел непривычно голым и незащищённым, словно обнажённый пациент на приёме у доктора, торопящийся натянуть вещи, как только будет закончен осмотр.

Ира, подхватив Лёлю под локоть, заставила подстроиться под свой темп ходьбы.

– Ты ешь куркуму, как я тебе советовала? – не дожидаясь ответа, уверено заключила она: – Вижу, что лопаешь. Волосы блестят, и новогодняя обжираловка на тебе не отразилась. Я же говорила, куркума – вещь.

Лёля виновато опустила взгляд. Она купила большую упаковку этой индийской пряности ещё в последних числах прошлого года, но так и не испробовала на себе целебные свойства куркумы – просто забыла. Признаться, что проигнорировала совет, было стыдно. Проще оказалось промолчать, а вечером действительно проверить, так ли жёлтая пудра полезна, как её расхваливает подруга. А ещё лучше просто подождать пару дней: Ира наверняка загорится очередной животрепещущей идеей и потребует поддержать эксперимент. На кухне Лёли ещё не иссякли запасы сушёного имбиря: чудодейственного для иммунной системы, как уверяла Ирина

месяц назад.

Сделав заказ за двоих, Ира потянула подругу в угол кафе. Лёле досталось место спиной к залу. Ира выбрала мягкое глубокое кресло, оставив ей жёсткий стул. Лёля не любила жевать прилюдно и, если бы выбирала сама, села бы именно сюда.

Ожидая заказ, Ира выудила из сумочки тонкую брошюру и пальцем пододвинула её к Лёле.

– Ты, наверное, обратила внимание на мою кожу, – она откинула волосы в сторону и слегка наклонила голову, позволяя свету лампы выгодно очертить румяные щёки. – Это всё прополис.

Лёля скосила взгляд на тонкую книжицу, снова подняла глаза на подругу.

Ира веско кивнула.

– Прополис. Тут всё написано. Почитай на досуге. Поразительная вещь.

Лёля послушно придвинула к себе брошюру. Рядом она положила телефон, чтобы контролировать время, отпущенное на обеденный перерыв. Увидев заставку на экране Лёлиного мобильного, Ира протяжно вздохнула.

– Он что, ещё не приехал?

Ира никогда не называла Германа по имени, обходилась местоимением или пренебрежительным «дружочек».

– Должен был вчера вернуться, но не берёт трубку. Как освободится, сам позвонит. Скорее всего, ещё не приехал.

– Наверное, так и есть, – легко согласилась Ира таким тоном, будто имела в виду диаметрально противоположное. – На твой день рождения опять усвистает в дальние дали и не озаботится подарком?

Лёля пожала плечами. О скором празднике думалось с беспокойством. Цифра тридцать пугала своей основательностью и размерами. Сейчас ей ещё двадцать девять, а через два месяца она пополнит ряды матрон бальзаковского возраста. Тех самых, что в детстве виделись ей жуткими бабками с бородавками на носу, с засаленными волосами, в неизменных цветастых юбках и меховых безрукавках. Вот и мама говорит, что тридцать – это рубеж, к которому нужно прийти с определённым багажом, желательно в статусе жены-матери. А Лёля никак не могла определиться со своим местом в жизни Германа, да и он не желал этого, хотя сам стал центром её вселенной давно и прочно.

– Герман всегда дарит мне подарки. Чуть с опозданием, но дарит.

Ира вздохнула, отложила вилку, посмотрела на подругу долгим внимательным взглядом.

– Лёля...

– Не говори это, а то обижусь, – Лёля интуитивно поняла, что подруга собирается в очередной раз высказаться о её отношениях с Германом. – Я сама виновата. Не дождалась его. Всё могло сложиться совсем по-другому, если бы я умела ждать.

После школы Герман и Лёля, считавшиеся парой, поступили в один институт. Но он довольно быстро понял, что ошибся в выборе профессии, бросил ненавистную юриспруденцию в начале второго курса и поступил на тренерский факультет в другом городе. Отношения на расстоянии разорвались не сразу. Они растягивались, как жевательная резинка, истончались постепенно, с каждым месяцем всё больше и больше, пока в один прекрасный день не лопнули, выстрелив отдачей разорванной первой любви преимущественно по Лёле. Три года они даже не созванивались, исчезнув из жизни друг друга.

Лёля страдала тихо, но глубоко. Подавляя эмоции работой, не вылезала из болезней и гнетущей депрессии. Незаметно для себя очутилась в отношениях с коллегой по работе. Унылых и безэмоциональных, как трясина. Они оба напоминали сонных тюленей, приговорённых к сезонному размножению и потому временно объединившихся в пару. Он стал первым мужчиной Лёли, но не оставил в душе никаких эмоций, даже неприятных, сохранился в памяти как сухой факт из биографии. Их отношения потухли с переходом Лёли на новую работу. Она вычеркнула эти месяцы из памяти вместе с именем случайного мужчины, временно придавшего её серой грусти более светлый оттенок.

Устав от жалостливых взглядов бывших одноклассников и негодующего маминого взора, Лёля сочинила историю о крепкой тёплой дружбе с Германом, проросшей сквозь ру-

ины школьной любви. Кажется, кто-то из общих знакомых озвучил эту версию самому Герману. Это объяснение ему приглянулось, он уверовал в возможность приятельства и вернулся в жизнь Лёли как ни в чём не бывало. Периодически вспоминал её недолгую интрижку с коллегой по работе, разрушившую их отношения, и горестно вздыхал: «Эх, Лёшка, что же ты меня не дождалась, мы были такой красивой парой». Лёля так и не поняла, откуда Герман узнал об эпизодическом мужчине, не затронувшем ни одной струны её души, но казнила себя регулярно. Если бы она дождалась Германа, то он обязательно бы к ней вернулся не в качестве старого друга, а возможного суженого.

Эти странные отношения длились уже семь лет, периодически оживлялись нетрезвым сексом по дружбе, но не сдвигались в матримониальную сторону. Ира несколько раз намекала на его любовные похождения в рамках соревнований и сборов в других городах, но Лёля только отмахивалась и напоминала, что сама виновата: не дождалась.

Ставя в неприятной беседе точку, Лёля раскрыла предложенную подругой брошюру и с намеренной увлечённостью углубилась в чтение. Правда, буквы никак не складывались в слова, а сами предложения не содержали смысла, оставаясь набором чёрных чёрточек и загогулин.

– Кажется, там Машка на эскалаторе, – Ирина чуть приподнялась, желая удостовериться в предположении, и тут же резко села, пригнувшись к столу. – Точно, она. Не поворачи-

чивайся, может, мимо пройдёт и не заметит.

Лёля резко обернулась, услышав за спиной разочарованный вздох.

– Точно, Маша, – через секунду она поймала взгляд обсуждаемой девушки и приветливо улыбнулась.

Ира откинулась на спинку кресла и насупилась. Обе девушки общались с Лёлей, а друг друга тихо ненавидели. Без Лёли, как без переводчика, никак не могли найти общий язык. Ира побаивалась острую на язык Машу и ревновала Лёлю к их длительной дружбе, выросшей ещё со школьной скамьи. А Мария откровенно презирала Иру за лишний вес, назойливую говорливость и простоту.

Маша ежедневно размещала в инстаграме фотографии из тренажёрного зала, демонстрируя худощавую фигуру, снимала каждый свой шаг и делилась мыслями с подписчиками. На неприятные комментарии реагировала бурно, развязывая войну, переходящую в реальность, если брякнувший недоброе подписчик оказывался жителем этого же города. В обиду себя не давала и редко замечала, если сама кого-то оскорбляла.

Завидев девушек, Маша взглянула на часы, убедилась, что у неё есть десять минут для светского трёпа, и направилась в сторону кафе.

Ире сдержанно кивнула, Лёле натянуто улыбнулась.

– Тюремщик вас отпустил на прогулку по периметру двора?

Лёля сдвинулась в сторону, освобождая место для подружки. Соседний столик не был занят: в метре от Маши стоял свободный стул, даже два, но оба были проигнорированы. Девушка прошлась взглядом по помещению, нашла официантку и кивнула, призывая подойти. Наклонившись к плечу Лёли, пару раз щёлкнула себя на телефон и погрузилась в глубины интернета, в котором как раз не хватало очередной фотографии из кофейни.

Когда официантка приблизилась, Мария отвлеклась от соцсети.

– Поставьте стул к нашему столику и принесите латте. Только умоляю вас, пусть это будет нормальный латте, а не какая-нибудь бурда на воде из-под крана. Используйте ионизатор.

Официантка поспешно кивнула, её брови озабоченно нахмурились. Она суетливо придвинула стул, ещё раз подобострастно кивнула и ринулась к барной стойке.

Мария опустилась на стул и грациозно переплела ноги.

– Лёля, ты не забыла, что я жду тебя завтра на маникюр? И пора уже подумать о шугаринге⁴, сколько тебя можно уговаривать?

Её взгляд зацепился за книжку на столе:

– Это что за хрень?

Ира хотела перехватить брошюру, но Мария ловко цапнула её за край ногтем и придвинула к себе. Брезгливо скри-

⁴ Шугаринг – способ эпиляции с использованием густой сахарной пасты.

вилась, коснувшись тонких страниц, и тут же захлопнула.

– Лучше бы нормальные книги читали, а не этот мусор.

Волна румянца затопила щёки Лёли. Она попыталась сгладить неловкий момент, внезапно вспомнив, что на календаре ещё утром обозначился дивный русский праздник. Старый Новый год.

– Давайте сегодня погадаем на суженого-ряженого?

Ира сначала нетерпеливо подпрыгнула, но сама же потушила свой энтузиазм.

– Бесовщина какая-то. С этим лучше не играть.

Мария слегка сощурилась, покосившись на Лёлю.

– Как в шестом классе, помнишь?

– Помню, – протянула Лёля, ныряя в воспоминания. – Ты тогда сказала, что видела в отражении Германа.

– Я его и видела, – сказала она почти обиженно. – Причём взрослого, а не школьника. Узнала по глазам и улыбке.

Лёля заёрзала на стуле, не зная, как реагировать на слова подруги. С Марией она не обсуждала необычную дружбу с Германом. Обоим от этого становилось неловко.

Мария резко обернулась, едва не смахнув со стола тарелку Лёли.

– Где этот чёртов латте?

Словно почувствовав её гневный напор, к столику торопливо подошла официантка. Она осторожно поставила на стол высокую чашку с белой пенкой и улыбнулась.

Маша отклонилась назад и холодно поинтересовалась.

– Почему так долго? За кофе пришлось в Бразилию ехать? Принесите стакан воды и книгу жалоб и предложений.

Официантка не сразу сообразила, что это не совсем заказ. Улыбка медленно сползла с её лица.

– Да, конечно.

– Надеюсь, я дождусь её в этом веке?

Девочка в форменном фартуке растерялась, не зная, как реагировать на неожиданную агрессию. Попятилась, споткнулась и только потом развернулась и торопливо пошла к барной стойке.

Лёля залилась краской, но не озвучила заготовленную реплику. Слова никак не складывались в нравоучительный сдержанный совет, казались легковесными и неубедительными. Пока она проговаривала потрясающе поучительный монолог в голове, Ирина расплатилась по счёту, добавив приличные чаевые, и встала из-за стола.

– Нам пора.

Лёля поспешно вскочила и сделала пару шагов по направлению к выходу, но потом развернулась и тихо неуверенно сказала:

– Маш, нельзя же так.

Мария растерялась всего на мгновение, затем спокойно и немного грустно улыбнулась.

– Эх, можно. Только так и можно. *Homo homini lupus est*⁵.

Лёля не ответила на это пессимистичное утверждение и

⁵ Человек человеку волк.

догнала Иру.

Пересекая широкий холл, подруга раздраженно пыхтела, но молчала. Только оказавшись в салоне, круто развернулась к Лёле и недоумённо спросила:

– Не могу понять, почему вы дружите? У вас же нет ничего общего. Вы такие разные.

Лёля задумчиво усмехнулась.

– Есть. Нас объединяет любовь к Герману. Маша когда-то его любила.

* * *

Не просто любила, в шестом классе она первая с ним познакомилась, сошла с ума от необузданной влюблённости и замусорила эфир беспорядочными мыслями и хвалебными словами только о нём одном.

Герман был новеньким и потому привлёк внимание общест-венности уже одним своим появлением. Выглядел старше ровесников, выше, внушительнее и красивее. Очень скоро в школе у девочек появилось новое увлечение – безответно влюбляться в новенького и расписывать парты признаниями.

Лёля избежала этой участи. Несмотря на то, что его имя всё время было на слуху, ей не приходилось сталкиваться с Германом, он всё время оставался недостижимым, как актёр или певец из телевизора. А когда их знаменательная встреча состоялась, её не поразила стрела Купидона, она даже поду-

мала, что не так уж парень и хорош собой, как расписывают фанатки.

Маша жила по соседству, и каждое утро Лёли начиналось с оды прекрасному лучезарному Герману. По дороге в школу его внешние характеристики подвергались тщательному анализу, выдвигались предположения о его смелости и благородстве, и в конце Маша делала логичное заключение, что он, должно быть, ангел. Постепенно и Лёля стала обращать внимание на его потрясающую фигуру, но пока ещё не поддавалась модному поветрию. К новогодним праздникам за Германом закрепился статус красавчика, даже девятиклассницы заигрывали с ним, раздувая его самооценку до размеров дирижабля.

Мария обожала его на расстоянии, караулила на переменах, нарочно занимая стратегические места в соответствии с расписанием уроков Германа. Шестиклассница Маша сильно отличалась от себя сегодняшней, ещё не обросла стержневым панцирем и потому хрупкую симпатию охраняла и скрывала за семью печатями.

Погадать на суженого предложила именно Маша. К двенадцати годам Лёля уже успела не единожды столкнуться с «сандаликами» и зеркала недолюбливала. Никогда не раздевалась перед ними и не крутилась, примеряя наряды. Использовала исключительно по назначению: кратковременно, без любования собой.

Подруга слёзно просила поддержать её, ибо столкнуться

с предназначенной судьбой один на один трусила. Лёля довольно быстро поддавалась на уговоры, а вскоре и сама ощутила трепет от предстоящего прикосновения к потустороннему и загадочному. Сеанс гадания решили провести в квартире Маши. Заранее купили свечи и притащили в комнату с напольным зеркалом ещё два – меньшего размера.

Дождавшись прихода сумерек, Лёля отпросилась в гости к соседке, якобы сделать вместе домашнее задание. Она нарочно бездельничала днём, чтобы не пришлось придумывать причину, иначе мама легко раскусила бы ложь. Нина Валерьевна присмотрелась к дочке, заметила небольшое волнение и суетливость, но решила поверить и отпустила в гости к однокласснице. Соседи Шапошниковы – уважаемые инженеры – вызывали у неё доверие, и дружбу Лёли с их дочерью она поощряла.

Родители Маши ожидались через час. Девочки сноровисто организовали обстановку для предстоящего таинства: задёрнули шторы, установили зеркала и зажгли свечи. Маша накинула на голову плотный платок, убрав под него волосы, села напротив большого напольного зеркала и сложила руки на коленях. Лёля поймала её встревоженный взгляд в отражении и замерла у дверей.

– Может, мне не уходить?

Маша порывисто обернулась, фитильки взметнулись вслед за потоком воздуха.

– По правилам нужно быть одной.

– Страшно? – участливо поинтересовалась Лёля и вернулась в комнату.

– Жутко, – призналась Маша и через секунду добавила: – Но ты всё равно уходи. Иначе не получится. Если что, я тебя позову.

– Я буду за дверью, – пообещала Лёля и вышла из комнаты.

Прошла минута, но из тёмного помещения не раздавалось ни звука, Лёля приникла ухом к деревянной перегородке и затаила дыхание. Сначала услышала сбивчивый шёпот, а затем лёгкий смех, а сразу после этого Маша радостно воскликнула:

– Он приходил!

Лёля вбежала в комнату, нашла взглядом зеркало и в отражении посмотрела в глаза Маши.

– Кто приходил?

Подруга не торопилась отвечать, стянула платок, распустила волосы и только потом сказала:

– Я уверена, что это был Лев.

– Герман?

– Естественно. Не зверюга же из зоопарка. Только он был какой-то другой, взрослый такой, красивый. Показался за моей спиной, около стены. – Маша встала и коснулась шершавых обоев в том самом месте, где появился её суженый.

Мечтательно вздохнув, резко развернулась и всучила пла-

ток в руки Лёле.

– Твоя очередь.

Взяв платок, Лёля отступила на шаг назад.

– Я не хочу.

Маша обошла подругу и подтолкнула в спину.

– Иди. Не трусь.

Лёля нехотя, с опаской побрела к зеркалу. Опустившись на колени, оглянулась через плечо на подругу.

– Ты будешь за дверью?

– Нет, сбегу в другой город, – Маша вышла из комнаты, но дверь сразу не закрыла, постояла немного в проёме в качестве моральной поддержки. – Здесь, я здесь. Кричи, если что.

Лёля тяжело вздохнула, огоньки свеч тут же заколыхались, заставляя тени шевелиться и передвигаться по затемнённой комнате. В углах мрак собрался чёрными сгустками и тянул щупальца к огню осторожно, будто боясь обжечься.

Лёля нехотя подняла взгляд на маленькое зеркало справа, скользнула к левому и остановилась на большом, расположенном прямо перед ней. Пальцы судорожно сжались на платке, дыхание стало прерывистым, а пульс тарахтел, набатом отдаваясь в ушах. В горле пересохло, поэтому слова прозвучали едва слышно и прерывисто, будто Лёля выплёвывала сухую гальку:

– Суженый мой, ряженный, приди ко мне отужинать.

От тепла живого огня зеркало запотело неровными ова-

лами, одна из свечей принялась коптить и потрескивать, заставляя тени скакать по лицу, как негатив солнечного зайчика. За спиной в отражении никто не появился, хотя тени обманчиво шевелились. Лёля едва успела облегчённо выдохнуть, убедившись, что суженый проигнорировал приглашение, как увидела, что её лицо меняется, оплывает, превращаясь в лицо принца Патрика из сказки «Не покидай...»⁶. Юноша приветливо улыбался, но Лёле было не до веселья. От ужаса она не могла пошевелиться, только чувствовала, как по спине ползёт холодок и в животе стягивается узел страха, мешающий глубоко дышать и двигаться.

Юноша в отражении приподнялся и, кажется, хотел начать беседу, но Лёля наконец скинула оцепенение и, вскочив на ноги, выбежала из комнаты.

Маша едва успела отпрянуть в сторону, как Лёля пронеслась мимо неё, утробно, как паровоз, гудя, выскочила в ярко освещённую кухню и кинулась к крану. Набрав в ладони холодную воду, плеснула на лицо, но вытирать не стала, замерла над раковиной, ощущая, как бодрящие капли скользят по лицу и срываются с подбородка.

Присев на край стола, Маша подозрительно сощурилась: – Кого ты там увидела? Дьявола, что ли?

Лёля отдышалась, растёрла воду по лицу и, не поворачи-

⁶ Телевизионный двухсерийный художественный фильм, снятый по одноимённой пьесе Георгия Полонского, написанной по мотивам сказки Уильяма Теккерея «Кольцо и роза».

ваясь, впервые достоверно соврала:

– Никого, просто я жуткая трусиха.

Больше всего в тот момент Лёля боялась, что сходит с ума, и подруга это поймёт. Поймёт и не захочет общаться с ненормальной соседкой.

После гадания любовь Маши к Герману распустилась пышным цветом, но всё так же тайно для самого виновника произошедшего, а Лёля в очередной раз удостоверилась, что в зеркало лучше не заглядывать.

* * *

После работы Лёля вновь пыталась дозвониться Герману, но телефон неприветливо отвечал прерывистыми гудками, обозначая занятость номера. В душе поселилось смутное беспокойство, а ощущение потерянности усилилось, едва Лёля вышла на улицу. В толпе она всегда чувствовала себя ещё более одинокой.

Включив музыку в телефоне, она вставила наушники и натянула пушистую шапку. Мыслями завладели воспоминания, обрывочные, бессюжетные, словно кто-то перемешивал в её голове осколки прошлого, подсовывая самые яркие, но не самые приятные. Незаметно для себя Лёля вновь вышла к железнодорожным путям и какое-то время брела вдоль них, пока не почувствовала, что ноги вязнут в грязи, а ветер совсем не дружелюбно пробирается за воротник пальто.

Пришлось завершать прогулку, грозящую закончиться простудой, и топать по направлению к дому. В ушах звучал бодрый весёлый голос одного из солистов корейской группы, контрастируя с мрачными мыслями и усугубляя печаль.

Открыв входную дверь, Лёля поняла, что забыла выключить свет на кухне, когда собиралась на работу рано утром. Рассеянные отблески разбавляли мрак наступившей ночи. Лёля стянула мокрые сапоги и принялась расстёгивать пальто. Мельком глянула в зеркало напротив входа и оцепенела. Силуэт в отражении принадлежал не ей, а мужчине. Невысокому, но плечистому. Детали внешности скрывались в темноте, но и абриса фигуры в зеркале оказалось достаточно, чтобы понять: «чертовы сандалики» вернулись.

Лёля кинулась к выключателю. Никак не могла нащупать клавишу дрожащими пальцами и заколотила по стене кулаком. Помещение озарилось жёлтым светом, разгоняя призрачные видения вслед за поверженным мраком.

Скинув пальто, Лёля набрала номер мамы и, ожидая соединения, прошлась по квартире, щёлкая выключателями в каждой комнате, даже в туалете.

Нина Валерьевна не ждала звонка после девяти, её голос прозвучал недовольно.

– Что-то случилось?

Лёля не обратила внимания на холодное приветствие, голос в трубке, пусть даже такой раздражённый, радовал, возвращая в реальность.

– Мам, кажется, я схожу с ума.

– Не мели ерунду.

Лёля выдохнула и повторила уже с меньшей уверенностью:

– Я схожу с ума.

В трубке затрещало, послышалась возня и пристыженный голос отчима на заднем плане. Нина Валерьевна успела за что-то отчитать мужа и снова жёстко и безапелляционно заявила:

– Глупости. Опять придумываешь небылицы. Что на этот раз? Или опять старая программа: принц в зеркале? Послушай меня: это всё от безделья и глупых сериалов. Выйди замуж, и тебе некогда будет придумывать себе сумасшествие.

Лёля ощутила, как привычное отстранённое спокойствие возвращается к ней, обволакивает, усыпляет тревогу. Видимо, и правда, галлюцинация, порождённая богатым воображением и излишком свободного времени.

Она приняла душ, переделась в тёплую пижаму и, включив радио, уселась на подоконнике. Окно спальни выходило на оживлённую улицу, приютившую круглосуточное кафе прямо напротив квартиры Лёли. Часто она развлекалась тем, что разглядывала посетителей этого заведения и придумывала им жизнь. В её фантазиях никто из заблудших ночных клиентов не был обычным менеджером или учителем. Лёля наделяла их экзотическими профессиями и не менее оригинальными увлечениями. Чаще всего ей «попадались» служи-

тели музыки. Грустного мужчину, пившего горький американо несколько дней назад, она назначила омникордистом⁷. А весёлых шумных девушек, беззастенчиво налегающих на калорийные булочки после двенадцати, сделала участницами китайского коллектива, исполняющими танец «Тысячерукая Гуаньинь»⁸.

Лёля не играла ни на одном музыкальном инструменте, но музыку обожала. Почти каждое событие в жизни связывала с какой-то песней. Последнее время увлеклась корейскими исполнителями, но стеснялась признаться даже самой себе, что эта музыка будоражит и оживляет, врываясь в её тусклую реальность яркими всполохами. Когда-то она хотела стать пианисткой или скрипачкой, но мама посчитала это бесперспективным увлечением, прямолинейно сообщив об отсутствии у Лёли таланта.

Из окон квартиры можно было увидеть две достопримечательности. Кроме кафе, оживляющего вид из спальни, из окна кухни виднелась часть детской площадки, а точнее, старые качели, на которых малышня почти никогда не каталась. Этими качелями чуть ли не в личное пользование завладела девушка, живущая в соседнем подъезде. В любую погоду каждый день взлохмаченная, похожая на мальчишку школь-

⁷ Омникорд – необычный электронный музыкальный инструмент был создан в 1981 году мастерами японского концерна «Suzuki». Панель оснащена кнопками, нажатием на которые извлекаются мажорные, минорные ноты.

⁸ Танец «Тысячерукая Гуаньинь» – гармоничный синтез традиционной китайской хореографии и буддистской мифологии.

ница усаживалась на скрипучих дощечках и раскачивалась до мушек в глазах. Она ни с кем не общалась, прятала сердитый настороженный взгляд, закрываясь от действительности неопрятными прядями волос. На приветствия не отвечала. Игнорировала всех, кроме местных кошек. Но даже её кафельное существование выглядело насыщеннее, чем размеренная жизнь Лёли.

Реальность за стеклом манила изменчивостью, дышала приключениями, в отличие от полупустой, словно застывшей на паузе, квартиры Лёли. С тех пор как перебралась сюда, она жила, словно намереваясь съехать со дня на день. Распаковала только вещи, которыми регулярно пользовалась. Вазы так и остались обёрнутыми в бумагу, а многочисленные книги покоились в картонных коробках прямо на полу неровными стопками. Помещение казалось просторным из-за немногочисленной мебели и отсутствия мелочей, создающих уют. Даже комната дешёвого отеля выглядела приветливей, чем обитель Лёли. Чисто, но безжизненно, как в больничной палате.

Лёля никак не могла понять, что её гнетёт, и чувствовала себя виноватой за подавленное настроение и унылые мысли. Убеждала себя, что не имеет права печалиться, ведь в её жизни всё хорошо: замечательная работа, приносящая доход, друзья, любимый человек, никто не болеет и не находится при смерти... Что же ещё нужно? У людей есть проблемы намного серьёзнее, масштабнее, и они не унывают.

Она отвлеклась от созерцания посетителей кафе и прислушалась к радио. Незнакомая песня уже заканчивалась, но Лёля только сейчас вдумалась в слова и застыла, ощутив болезненный укол в сердце.

*Знай, что однажды придёт пора,
Ты почувствуешь, насколько сегодня я был не прав.
После стольких беспробудно закрытых дверей подряд
На твой стук ещё одну такую же запросто отворят.
С кем-то разительно не таким —
Назиданиям моим и своему опыту вопреки,
Когда на ночь отгремят засовы у каждой двери,
Вы сядете поговорить⁹.*

Слёзы сами брызнули из глаз ещё до того, как Лёля поняла, что плачет. Она вскрикнула несколько раз, пытаясь подавить неожиданную истерику, но плач, наоборот, усилился и перерос в рёв, громкий и неконтролируемый. Лёля зажала рот ладонями и забилась в угол между стеклом и стеной. Слёзы текли по пальцам, падали на колени и не думали иссякать.

Песня уже закончилась, сменилась незамысловатыми мотивами, а Лёля продолжала рыдать, повторяя всего одно слово: поговорить, поговорить, поговорить...

⁹ Отрывок из песни Грот feat. Drummatix «Поговорить».

Глава 3. Принц

Лёля никак не могла понять, почему большинство её знакомых, особенно Маша, считают, что посещение салона красоты – это отдых. Пока подруга колдовала над её ногтями, Лёля не могла расслабиться. Удивлённо посматривала на клиенток в соседних креслах – умиротворённых и говорливых. Некоторые явно приходили сюда не только за маникюром и порцией сплетен, но и за релаксацией. Она же чувствовала себя как в кабинете врача: вроде не страшно, запланировано заранее, не больно, но ничего приятного, и тянет бежать быстрее.

В воздухе витали химические ароматы лаков, шампуней и ещё каких-то неизвестных средств для создания красоты на головах и руках клиенток. Через полчаса после начала процедуры Лёля привыкла к терпкой пахучей атмосфере, но удовольствия от неё не получала. Полочка с правой стороны напоминала обойму, заряженную, как патронами, флакончиками лаков.

Маша не спросила о предпочтениях Лёли. Сама выбрала для маникюра лак песочного цвета, неброский и практичный, подходящий к любому наряду. Маша уже заканчивала своё ногтевое чародейство, когда поинтересовалась, едва скрывая насмешливость в голосе:

– Для Германа прихорашиваешься?

Лёля отвлеклась от разглядывания посетительниц салона и перевела взгляд на тёмную макушку Маши. Та недавно обновила причёску: классическое каре превратилось в короткую стрижку с ассиметричной челкой. В облик добавилось строгости и острых черт, а наращённые пушистые ресницы придавали лицу какую-то неестественную, почти инопланетную красоту.

– Нет, – честно ответила Лёля. – Он все эти женские штучки вообще не замечает. И твою причёску, кстати, не заметил бы. Правда, если шевелюру сменишь на лысину, шансы существенно возрастут.

Герман на самом деле отличался редкостной невнимательностью, плохо запоминал лица людей. Он вполне мог пройти мимо и не поздороваться, стоило знакомому помянуть привычную одежду. Новый лак на ногтях Лёли однозначно не попадал в число экстренно важных новшеств, стоящих его внимания.

Маша нахмурилась и снова опустила взгляд.

– Он приехал?

Лёля слегка пожала плечами.

– Не знаю. Ещё не звонил. – Она чуть наклонилась вперёд, присматриваясь к ловким движениям рук подруги. – А ты с ним так и не виделась с моего прошлого дня рождения?

Маша продолжила увлечённо скользить кистью по ногтю, казалось, вообще не расслышав вопрос. Лак ложился криво, толстым слоем, вылезая за край ногтя. Заметив брак,

Мария тряхнула головой и потянулась за жидкостью для снятия лака.

– Не виделась, – отрывисто сказала она, ожесточённо вытирая малярное безобразие на мизинце Лёли. – Не дёргай рукой, сиди смирно, иначе до локтей разрисую.

– Я нечаянно, – с привычным извинением в голосе пробормотала Лёля и замерла под взглядом подруги, по воздействию своему бывшему лишь чуть слабее, чем у Медузы Горгоны¹⁰.

Мария удовлетворённо отметила тёмные круги под глазами и усталый вид Лёли.

– Ночами не спишь?

– Бессонница.

Плотно завинтив флакон с лаком, Маша принялась убирать со стола маникюрные принадлежности. Сосредоточенно раскручивала их и укладывала в ванночку с дезинфицирующим раствором.

– Герман не даёт спать?

Лёля бросила смущённый взгляд на посетительницу в соседнем кресле и неловко улыбнулась.

– Маш, его уже неделю нет в городе.

Мария наклонилась над столом и поманила Лёлю, заставляя сделать то же самое. Изобразив подобие приватной беседы, она, глядя прямо в глаза, беззастенчиво спросила:

¹⁰ Горгона Медуза – наиболее известная из трёх сестёр горгон, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Её взгляд обращает человека в камень.

– Вы же занимаетесь сексом?

Лёля покраснела до корней волос, но не нашла сил ответить глаза. Почувствовала себя словно на допросе с датчиками детектора лжи по всему телу.

– Иногда бывает.

Мария саркастично хмыкнула.

– Иногда? Ты у него столько времени проводишь, и у вас иногда бывает?

– Я не хочу это обсуждать, – вымученно призналась Лёля и наконец смогла вырваться из плена чёрных глаз подруги, обездвиживающих, словно двустволка, нацеленная в лицо.

– Да ладно тебе, что было, то прошло. Я давно уже не сохну по этому кобелю. Расслабься. Мне просто тебя жалко. Бесплатная кухарка и домработница. Удобно наш Лев устроился. Только вот если с тобой у него «иногда», то с кем же у него «часто»?

Отвечать не пришлось, от необходимости задумываться над неприятным вопросом спас телефонный звонок. Увидев на экране имя обсуждаемого мужчины, Лёля ойкнула от удивления и приложила трубку к уху.

Маша внимательно следила за мимикой на лице подруги во время разговора, даже не пытаясь сделать вид, что не подслушивает.

– Лёшка, привет! Соскучился по тебе и по твоей стряпне жутко. Придёшь сегодня?

– Привет, – Лёля стыдливо улыбнулась, стараясь выйти

из-под пристального взгляда Маши. – Приду. У меня сегодня выходной. Освобожусь пораньше. Что тебе приготовить?

Герман на несколько секунд замолчал, обдумывая вопрос.

– Шашлык хочется, но его в домашних условиях не приготовить нормально.

– Я могу заехать в шашлычную на объездной, а потом сразу к тебе. Испеку что-нибудь на десерт.

– Прекрасная идея, Лёшка! До вечера. Подробности расскажу при встрече, мои орлы всех порвали!

– Какие молодцы, я знала, что они выиграют.

Последние слова Лёля произнесла в пустоту: Герман уже отключился, как обычно, выплеснул эмоции и вернулся к своим делам.

Мария саркастично ухмыльнулась, но подслушанный разговор не прокомментировала. Лёля дождалась, когда лак высохнет, и засобиравшись домой: теперь нужно рассчитать время так, чтобы успеть в кафе, а затем приехать аккуратно к ужину с горячим шашлыком.

Попрощавшись с подругой, Лёля вышла на улицу и схватилась за ручку двери, которую едва не вырвала из ее ладони разбушевавшаяся стихия. Сегодня природа заготовила очередную пакость, дул порывистый студёный ветер, выхолаживающий непривычных к стуже южан до самых костей. Натянув шапку до бровей, Лёля выбралась на тротуар и влилась в ряды везунчиков, которых ветер толкал в спину, буквально приподнимая на каждом шагу. Встречный поток прохожих

напоминал упорных, измученных бурлаков, тянущих за собой баржу.

Лёля быстро управилась с домашними делами. Отсутствие элементов декора и сувениров, даже полок, где эти мелочи могли бы стоять, уменьшало количество пыли в квартире. Лёля вымыла окна, даже постирала шторы, в сотый раз решив украсить пустые подоконники хоть какими-нибудь непривередливыми суккулентами. Передвинула коробки с книгами, успокаивая совесть имитацией уюта. Пару книг достала, пролистала и оставила на столе. Заканчивая гладить вещи, нетерпеливо поглядывала на часы: мыслями она уже была на пути к Герману.

Лёля стянула волосы в тугий пучок и извлекла из недр верхнего ящика красивый комплект нижнего белья. Нарочно не задерживалась на мысли, для чего его надевает. Подсознание трусливо затаилось, только раз вспыхнув надеждой на продолжение вечера. Быстро натянув тонкое шерстяное платье, она опустила подол и только потом подошла к зеркалу. В этот раз отражение не чудило, показывало то, что положено.

Накинув пальто, Лёля направилась на охоту за шашлыком. Машину она водила нечасто, предпочитала пешие прогулки. Во-первых, боялась садиться за руль, ощущая себя обезьяной не просто с гранатой, а с ядерной бомбой. А во-вторых, прогулки для неё были не перемещением из точки А в точку Б, а неким ритуалом, отодвигающим возвращение в

пустую квартиру, где чаще всего подкрадывались сумасшедшие видения. За руль Лёля садилась, когда расстояние для променада оказывалось великовато, и если нужно было что-то перевезти. Шашлык оказался той самой драгоценной ношей, которую не хотелось доверять общественному транспорту.

В салоне автомобиля стоял аппетитный аромат жаренного на углях мяса, даже кофейная пахучка не смогла его перебить. Лёля поглядывала в зеркало заднего вида, предвкушая вечер в компании любимого человека.

В квартале от места назначения позвонил Герман и горестно доложил, что задерживается, но планы ни в коем случае не меняются. Он приедет позже, и они обязательно поужинают. Ключ от его квартиры завёлся у Лёли довольно давно, но бывать в его апартаментах без хозяина доводилось нечасто. Лёля выгрузила коробку с шашлыком и пакет с продуктами. Перекинула лямку сумки на шею и направилась к подъезду. Кое-как, постоянно перехватывая ношу, добралась до четвёртого этажа и зашла в квартиру.

Неделя без посещения Лёли плачевно сказалась на состоянии холостяцкого жилища. Герман не отличался аккуратностью, и криво лежащий ковёр или измятые диванные подушки его не беспокоили. Он их просто не замечал. Лёля разложила продукты на кухне, надела фартук и принялась за уборку.

Начала по привычной схеме: с истребления пыли. Види-

мо, карма у неё сегодня такая – сражаться с бардаком. Пропылесосив и вымыв полы, Лёля достала чистящее средство для стёкол и нерешительно замерла перед зеркалом в коридоре. Даже дома она нечасто тёрла зеркальные поверхности, решив, что нечёткое отражение её вполне устраивает, но тут буквально всё напрашивалось на чистку, просто умоляло о ней, выставляя мутные разводы напоказ. Лёля несколько раз шумно вздохнула и наконец брызнула из пульверизатора на стекло. Зеркало вело себя прилично – притворялось элементом интерьера и не показывало странностей. Послушно заблестело и отразило раздумывающуюся, взъерошенную Лёлю.

Уже смелее Лёля протёрла зеркальные вставки в дверях шкафа в спальне и направилась в ванную. Зеркало над раковиной выглядело на редкость чумазым. Белые капли зубной пасты навевали мысли о сифоне, распылившем мутную жидкость с намерением замаскировать серебристый овал на стене. Добавив брызг из пульверизатора, Лёля провела полотенцем дорожку слева направо. Первыми показались её глаза, остальное оставалось скрыто под мутной плёнкой. Она прочертила линию сверху вниз, будто ставя крест на своём отражении... которое больше не принадлежало ей. Рыжеволосый веснушчатый парень, как две капли похожий на её любимого актёра Эдди Редмэйна, лукаво сверкал зелёными глазами, изо всех сил транслируя дружелюбие.

Лёля впервые не испугалась. В этот раз преобладающим

чувством оказалась злость. Она швырнула мокрое полотенце прямо в улыбающееся отражение.

– Оставь меня в покое! Хватит меня преследовать! Ненавижу! Ненавижу!

Парень даже не моргнул, получив в лицо влажным комком. Он проследил за падением полотенца в раковину и поднял глаза на Лёлю.

– Я не могу оставить тебя в покое.

Лёля отпрыгнула назад, выставив вперёд руку, будто этот жест мог её защитить от нечисти или сумасшествия. Впервые отражение с ней заговорило. К зрительным галлюцинациям теперь добавились и слуховые.

– Я шизофреничка, – обречённо выдохнула она и сползла на пол по холодной кафельной стене. Просидела в неудобной позе несколько минут, свыкаясь с мыслью, что болезнь, кажется, прогрессирует.

Зеркало молчало, и Лёля осмелилась встать на колени. Подняв руку, нашла в отражении свою кисть со сморщенной от влажной уборки кожей на пальцах. Рука выглядела знакомой и привычной. Лёля медленно поднялась, наблюдая за тем, как в зеркале постепенно вырастает её отражение. Галлюцинация исчезла, оставив ощущение беспокойства и опустошённости.

Закончив уборку, Лёля направилась на кухню. Разложила на столе ингредиенты для будущих эклеров и задумалась. В её квартире обитал духовой шкаф внушительнее и функци-

ональное, чем простенькая духовка Германа, обросшая изнутри тройным слоем налёта от жирных мясных блюд. Но дома она почти не готовила, ограничиваясь самыми простыми рецептами для ленивых одиночек. Ей нравилось возиться с мукой и вымешивать тёплое податливое тесто, но Герман, как и все спортсмены, выпечку недолюбливал, обзывая кондитерские изыски Лёли пустыми калориями.

Ещё три часа ушло на приготовление пирожных, участием которых было незаметное поедание между отбивной и шашлыком.

Стрелки сдвинулись к двенадцати. Ночь прилипла к стеклу плотно, как битум, но хозяин квартиры всё не появлялся. Лёля вымыла посуду и села пить чай со свежими воздушными эклерами. На второй чашке дверь отворилась, впуская затерявшегося в потёмках Германа. Он медленно прошёл в кухню и обвёл её взглядом, не задержавшись на Лёле, словно она элемент обстановки. Затем устроился за столом.

Пока он рассказывал, как его команда обыграла всех соперников, только один раз устроив «качели» в партиях, Лёля подогрела шашлык и нарезала салат из помидоров.

Герман одновременно поедая горячее сочное мясо и активно жестикулировал, изображая в лицах то своих подопечных, то соперников, то их тренера. В такие моменты Лёля любила за ним наблюдать. Он так искренне переживал за успехи своих ребят, что чувства лились через край. Он торопился рассказать и показать каждый ключевой момент, про-

живал его заново, позволяя и ей разделить бушующие эмоции.

На волне воспоминаний Герман уничтожил блюдо эклеров и растерянно уставился на пустую посудину.

– Спасибо, Лёшка. Всё было вкусно. Даже эти сладкие булочки, – он бросил взгляд на часы и нахмурился. – Уже поздно, утром тренировка. Ты завтра работаешь?

Лёля застыла в нерешительности: у неё не хватало духа попроситься на ночёвку. Она медлила, ожидая предложения от хозяина. Герман словно не заметил её колебаний. Похлопал себя по животу и поднялся.

– Ты на машине, или тебя отвезти?

– На машине.

Лёля поспешно отвернулась, пряча алеющие щёки. Нащупала в раковине тарелку и накинулась на неё, как на возможность изобразить занятость, пока обида не отхлынет от лица. Герман обошёл стол. Нависая над Лёлей, вымыл руки прямо под струёй воды над её ладонями, плотно прикасаясь грудью к её спине. Лёля застыла, ощущая тепло его тела сквозь ткань платья. Герман чуть склонился и поцеловал её в макушку. Она затихла, как мышь под веником, ожидая продолжения, но его не последовало. Лёля судорожно вдохнула, в очередной раз борясь с комом в горле. От Германа пахло духами. Женскими, сладковатыми, судя по всему, довольно популярными в этом сезоне. Этим же благовонием пользовалось как минимум две клиентки New look. Приятный дорогой аромат

тут же обрёл нотки неприязни и привкус горечи.

Лёля с видимым усилием сохраняла лицо ещё десять минут, пока думывала посуду. Надела пальто, натянула сапоги и, поспешно попрощавшись, вышла из квартиры.

Не первый раз от Германа пахло другими женщинами, но Лёля умело находила для него оправдания, изобретательнее, чем политик после выборов, не сдержавший обещаний. В этот раз зазор между проколом Германа и поиском причины, объясняющей запах духов, оказался достаточным, чтобы Лёля успела расстроиться и заподозрить его в похождениях.

Открывая дверь машины, она наконец придумала для него правдоподобное железное алиби: распространённый модный аромат мог прицепиться к нему в любом общественном месте, даже в магазине, очень уж он стойкий и приста-вучий.

Удовлетворившись этим, Лёля завела машину и вырулила со двора. В этот раз душевная боль не была резкой, скорее тягучей и нудной, словно давнишний синяк, по которому случайно ударили снова.

Её любовь переживала взлёты и падения, валялась растоптанная в ногах и парила в небесах, пусть недолго, но и такое бывало. А родилась постепенно, вместе с взрослением самой Лёли. Но вот осознание чувств оказалось довольно болезненным и стоило разрушенной дружбы.

Каждый год в школе устраивали день самоуправления. Эту традицию ненавидели учителя, но обожали ученики. Педагоги выбирали себе замену среди старшеклассников, которые целый день преподавали их предмет. Учителя, естественно, подстраховывались заранее: успевали провести все диктанты и контрольные, пропускали новые темы, оставляя для дня самоуправления повторение пройденного или что-нибудь совсем лёгкое.

Лёля втайне надеялась, что мама назначит её своей заменой, но Нина Валерьевна за несколько дней за ужином преподнесла новость, что уроки географии будет вести Лёлин одноклассник – отличник и гордость школы. Лёля молча проглотила обиду вместе с макаронами. Мама не считала её достойной. Это было ожидаемо, но всё равно неприятно.

За день до знаменательного дня учительница истории предложила ей временно занять своё рабочее место. Лёля обрадовалась и испугалась одновременно. Доверие опытного педагога льстило, но необходимость оказаться под обстрелом глаз учеников вызывала дрожь в коленках. Лидия Петровна успокоила: нужно просто выслушать пересказ параграфа у тех, кто сам вызовется отвечать, и поставить оценки карандашом. Лёля заранее изучила расписание уроков. Шестиклассники пугали меньше всего, но последнее занятие она

должна была провести у десятого «А». Её родной «Б» недолюбливал «ашников» и во всём соревновался с ними. Между параллельными классами давно шла неофициальная война, нарочно подогреваемая учителями.

Лёля боялась, что ученики просто сорвут урок и опозорят её перед мамой-завучем, но проблемы пришли с другой стороны. Стоило Маше узнать, что Лёля будет вести урок в классе, где учится Герман, у неё сорвало тормоза. Сначала она предложила тайно поменяться местами, потом, принялась напрашиваться на занятие в качестве стороннего наблюдателя. Получив отказ по обоим пунктам, стала атаковать просьбами передать записку. Лёля долго отбивалась, но, оказалось, что проще остановить торнадо, чем Машу, решившуюся на письменное признание в любви.

Накануне дня самоуправления Лёля основательно подготовилась: прочитала параграфы, по которым будет гонять учеников, выгладила белую рубашку и начистила туфли. Первый урок оказался самым сложным. Ребята, взбудораженные анархией, никак не могли собраться и проявить серьёзность, хихикали, переговаривались. Но после первой тройки, пусть и поставленной карандашом, затихли и стали тянуть руки. Лёля расслабилась и даже начала получать удовольствие от новой серьёзной роли, но на перемене после пятого урока объявилась Маша, раскрасневшаяся и растрёпанная. Она мяла в пальцах обрывок тетрадного листа и нервно оглядывалась по сторонам.

– Вот. Передай.

Лёля нехотя взяла слегка влажный от потной ладони листок.

– Маш, может, не надо? Мне неудобно. Как я ему вообще передам записку?

– Неудобно ей. Подруге помочь не можешь? – Маша накрыла рукой записку в ладони Лёли и заставила сжать ее в кулаке. – Что тебе стоит? Просто передай.

Лёля спрятала листок в карман брюк и нехотя побрела в класс, дожидаться прихода «ашников».

Они ввалились в класс с опозданием, выказывая пренебрежение к несерьёзной замене, рассаживались шумно и долго, но в течение урока не досаждали, вели себя вполне прилично. Если и переговаривались, то не в полный голос, и умудрились воздержаться от скабрёзных шуток.

Лёля ёрзала на стуле, с опаской поглядывая в сторону Германа. С шестого класса он заметно вырос: возвышался над головами не только большинства учеников, но и учителей. Однако долговязым не казался, скорее мощным. Высокий рост позволил ему стать лучшим доигровщиком в команде. Герман выступал за сборную района, и все в один голос пророчили ему карьеру спортсмена.

Герман поймал один из её пронзительных взглядов и широко улыбнулся. Лёля тут же отреагировала румянцем и уткнулась в учебник. Больше старалась в его сторону не смотреть, но Герман, наоборот, начал приглядываться к Лё-

ле, нарочно смущал пристальным вниманием.

Она жаждала окончания урока, сгорая под сверлящим взглядом, а звонок не слышала. Ребята вскочили с мест и ринулись к выходу. Девушки же собирались не так суетливо и быстро, аккуратно складывали школьные принадлежности в сумки.

Лёля опустила взгляд в свой рюкзак, склонившись к нему как можно ниже, была б возможность – спряталась бы там целиком. Она уже точно решила, что записку не передаст, осталось только придумать отговорку для Маши. Такую основательную, чтоб у подруги не было причины бесноваться.

Герман покинул класс с группой ребят, бросив на Лёлю очередной заинтересованный взгляд, даже чуть-чуть приостановился напротив учительского стола. Последней вышла ученица, заработавшая карандашную пятёрку. Она единственная вела себя так, будто никакого дня самоуправления не было, и урок истории прошёл полноценно.

Лёля щёлкнула застёжкой рюкзака, но встать не успела. В класс вернулся Герман. Нарочно игнорируя её, прошёл к своей парте и поднял с пола ручку.

– Потерял, – коротко пояснил он.

Лёля молча наблюдала за его передвижениями. Когда он поравнялся с ней, неожиданно для самой себя окликнула:

– Герман, стой, – дождавшись, когда он повернётся, продолжила: – Просили передать тебе.

Лёля протянула измятую записку. Остановила взгляд на

воротнике рубашки Германа, с досадой ощущая, что всегдашний румянец опять заливает её щёки.

Он едва слышно хмыкнул и взял записку.

– Кто просил?

Вручая записку, Маша просила не скрывать её авторство. Но Лёле тяжело было озвучить имя подруги, будто она обнаруживала собственные чувства, а не чужую симпатию. Она замялась, потом прокашлялась и наконец решительно подняла глаза на Германа.

– Маша Смирнова.

Герман недоверчиво нахмурился.

– Маша? Точно Маша?

Лёля растерялась, не понимая, почему он не верит и переспрашивает.

– Да.

– Ну ладно. Спасибо, почтальон.

Он вышел из класса, а Лёля рухнула на стул и нервно оправила волосы. Больше она никогда не согласится на унижительную роль курьера!

С того дня отношение Германа к Лёле разительно поменялось. Встречая её в коридоре, он приветливо кивал и загадочно улыбался. Несколько раз останавливался, чтобы лично поздороваться и спросить, как дела. Незаметно родилось прозвище Лёшка, вросшее в Лёлю как вторая кожа. Но, кроме Германа, её так никто не называл, оставляя за ним право на единоличное пользование кличкой.

Маша ходила пришибленная и выглядела потерянной, словно турист, посеявший карту и компас одновременно. На Германа зыркала сердито и озлобленно, с Лёлей общалась натянуто и больше не откровенничала о чувствах. Видимо, признание в любви посредством записки прошло не по плану.

Иногда в глазах Германа сквозило странное превосходство, будто он владел каким-то важным для Лёли секретом, но открывать его не планировал. Дружба с Машей ещё не рухнула, но уже дала трещину. Между ними больше не было той доверительной откровенности, которая соединяла их ещё с детского сада. Хотя Герман не проявлял активности и не предлагал Лёле стать его девушкой, его симпатия была настолько явной, что в школе начали перешёптываться о них и даже пустили пару сплетен. К счастью, слухи не дошли до завуча – ещё бродили в ученической среде.

На одной из дискотек Герман пригласил Лёлю на медленный танец. Она смутилась и пробормотала вежливый отказ. Прежде ей не приходилось танцевать под романтические композиции, и она боялась оттоптать партнёру ноги. Герман сделал вид, что не расслышал её сбивчивых протестов, и потащил в центр зала, как на буксире. Он обхватил талию Лёли ручищами, прижав к спине косу, так что её голова запрокинулась. Танец не получился: скорее это было обоюдное некомфортное раскачивание. Лёля не подозревала, что она настолько неуклюже двигается, впервые ощутила себя дере-

вянной заготовкой без единого сустава.

К облегчению Лёли, мучительный танец закончился довольно быстро и остался практически незамеченным одноклассниками. А вот Маша не упустила возможности насыпать на свою душевную рану очередную порцию соли. Она прожигала неловко перетаптывающуюся пару глазами с начала и до конца песни.

С тех пор Лёля плясала только дома в одиночестве или в своих мечтах, где у неё получались изумительные телодвижения и феерические па, а партнёр вертел её сноровисто, словно гуттаперчевой куклой.

* * *

Припарковав машину во дворе, Лёля буквально влетела в подъезд, подгоняемая плотными потоками ветра. Громко хлопнула железной дверью и быстро забежала на третий этаж. Обогнать неприятные мысли о запахе духов не получилось.

Приняв душ, Лёля решила обойтись без вечернего подглядывания за чужими жизнями и легла в постель. Свет от фар автомобилей и уличной иллюминации бродил по потолку, вырисовывая необычные узоры, предлагая поиграть в угадывание сюжетов историй теней. Лёля прерывисто вздохнула. В этот раз появление слёз она заметила, только когда они заскользили мокрыми дорожками, спускаясь по вискам.

Оказалось, плакать лёжа на спине затруднительно: слезы попадали в уши и щекотали, вызывая смех, правда, не радостный, а скорее истеричный.

Входящий вызов на телефоне Лёля увидела не сразу: мобильник стоял на беззвучном режиме. Она нахмурилась и хотела сбросить звонок, так как время перевалило за час ночи, но потом резко передумала и приложила трубку к уху.

– Алло.

В телефоне зашуршало, слышались звуки сигналящих машин и людской гомон. На фоне шума голос звонившего едва различался.

– Девушка, можно такси на Горького триста сорок?

– Шутите? Какое ещё такси, куда вы звоните?

– В службу такси, – уверенно заключил незнакомец, отдаляясь от источника шума, голос звучал уже чётче.

Лёля легла удобнее и устало потёрла шею.

– Вы ошиблись номером. Это не такси.

В трубке снова зашуршало. Теперь в разговор вмешивался ветер.

– А может, я не ошибся, – нагло предположил невидимый собеседник. – Может, случайности не случайны?

– Молодой человек, мне некогда с вами беседовать. Если вы не заметили, на часах уже далеко за полночь.

– Ну, ты же не спишь. Подожди, не клади трубку. Я зайду в кафе: из-за ветра говорить невозможно.

Лёля хотела возмутиться, что незнакомец так легко и без

разрешения перешёл на «ты», но почему-то не сделала этого, терпеливо дожидаясь, когда разговор продолжится.

Из мобильного послышался едва различимый голос официантки, принявшей заказ на капучино, спокойная фоновая музыка и наконец чёткий, немного запыхавшийся голос ночного незнакомца:

– Так почему ты не спишь?

Лёля ответила не сразу. Она вслушивалась не столько в слова, сколько в сам голос. Удивительно богатый на оттенки, бархатистый, глубокий и одновременно смешливый. Он мог принадлежать кому угодно, но представлялся почему-то высокий красивый блондин.

– Потому что мужики козлы, – неожиданно ответила Лёля и ойкнула, закрыв ладонью рот.

– Протестую, – искренне возмутился собеседник. – Что-то я в себе козлинности не замечал. Так ты поэтому плачешь?

– Я не плачу, – отрезала Лёля и тут же предательски громко всхлипнула.

– А гнусавишь тогда почему? Насморк?

– Французские корни.

Незнакомец громко засмеялся, поблагодарил кого-то за вкусный кофе и вернулся к допросу.

– Кто же тебя так расстроил, красавица?

Лёля убрала ладонь с лица и почувствовала, что улыбается.

– С чего ты решил, что я красавица? Ты же меня не ви-

дишь. Может, я старая, кривая, беззубая, пахну лекарствами и кислой капустой.

– Как хочу, так и представляю. Будешь принцессой Несмеяной. Мне показалось, что ты улыбнулась.

Лёля возмущенно засопела.

– С чего ты взял? Улыбку невозможно услышать.

– Ещё как возможно, – категорично отрезал приятный голос. – А ты меня как будешь представлять?

Лёля задумалась, на секунду отодвинула от уха трубку, удивляясь самой себе. С чего вдруг она вообще беседует с этим странным человеком? Почему не сбросила звонок сразу же? Сюрреализм какой-то. Он ведь действительно может быть кем угодно. Да хоть маньяком или просто ненормальным! Она решительно вознамерилась нажать отбой, но услышала голос из телефона:

– Несмеяна, ты ещё здесь?

Лёля включила громкую связь и положила телефон на подушку рядом с головой. Глядя на расцвеченный огнями потолок, задумчиво проговорила.

– Я представляю тебя похожим на принца Патрика.

– Это который пел песню о голубой розе? – послышался изумлённый голос.

– Да. Из сказки «Не покидай...»

Невидимый собеседник снова рассмеялся. Искренне и заразительно. Лёля поневоле улыбнулась и тут же подумала, что завидует такому красивому смеху и лёгкости, с которой

незнакомец выражает эмоции.

– Да, ты и правда старая, беззубая и кривая. Эту сказку не помнит никто из нынешнего поколения.

– Ты забыл, что я ещё пахну лекарствами и капустой, – мрачно добавила Лёля, решив, что её собеседник, скорее всего, ещё школьник. Говорливый и прямолинейный. Голос казался взрослым, но кто этих современных старшекласников разберёт?

В мобильнике стихла фоновая мелодия, и послышался отдалённый голос радиоведущего, а сквозь него раздалось постукивание ложки о край чашки.

– Ладно, запиши меня в телефоне как Патрика. Я действительно похож на принца. Высокий, голубоглазый, в меру скромный блондин. Расскажешь, какой козёл тебя обидел?

Лёля скосила взгляд на трубку, лежащую на подушке, тяжело вздохнула.

– Я плачу от общей несправедливости мироздания.

– Э-э-э... Мирозданию я не смогу накостылять.

Лёля хмыкнула и поймала себя на мысли, что чувствует улыбку собеседника. Именно так – чувствует. Ею овладели необъяснимая смелость и желание поделиться гнетущими мыслями.

– Вот ты же мужчина?

– С утра был.

Лёля легла на бок, подложив под голову руку, и обратилась к телефону, словно к живому существу.

– Тогда объясни мне, почему мужчины изменяют? Это на самом деле врождённая полигамность, задуманная природой? Как можно целовать кого-то без любви, просто потому что захотелось? А потом ещё одну, через несколько дней – другую.

Телефон молчал, но Лёля слышала дыхание собеседника. Видимо, её вопрос оказался слишком интимным и призывал к откровенности, к которой смешливый незнакомец не был готов. Она уже подумала, что он не будет отвечать, но всё-таки спросила:

– Почему молчишь? Слишком личный вопрос?

– Я просто жевал булку. Не хотел, чтобы ты слушала моё чавканье. погоди, ещё кофе глотну. Сейчас будет жутко раздражающее прихлёбывание, – в трубке раздался намеренно громкий глоток, полный блаженства.

Лёле почудился аромат кофе.

– Любишь кофе?

– Не меняй тему. Мы же о поцелуях говорили, – он понизил голос до интимного шёпота, но в следующей фразе не было ни капли дурашливости. – Я не понимаю, почему некоторым так сложно не изменять, и почему их тянет целовать кого ни попадя. Для меня всё просто: кого любишь, того и целуешь, остальных просто не хочется.

Лёля затихла, обдумывая такую элементарную истину. Мобильник снова ожил громким смешком.

– Несмеяна, ты там уснула, что ли?

– Нет, но, между прочим, пора.

– Пора, – нехотя согласился собеседник. – Можно задать один-единственный вопрос, но самый важный? Ответ на него откроет всю правду о тебе, и я сразу пойму, что ты за человек.

Лёля взволнованно закусил губу, судорожно перебирая в голове возможные неудобные вопросы. Вдруг он спросит о её первом поцелуе или о самом необычном месте, где она занималась сексом. Или ещё хуже: есть ли у неё шизофреники в роду?

Она с опаской придвинула телефон и, чувствуя, как горят уши, разрешила:

– Спрашивай.

– Какого цвета у тебя носки?

Лёля изумлённо переспросила:

– Трусы?

Незнакомец снова заразительно рассмеялся.

– Какая, однако, ты испорченная старушка. Ай-яй-яй. Разве я что-то спрашивал про трусы? Я спросил, какого цвета у тебя носки. Не те, что ты надеваешь на работу или в люди, а те, что носишь дома.

Лёля перевела взгляд на шкаф, будто могла увидеть полку сквозь закрытую дверцу.

– Оранжевые, – призналась она с таким трудом, будто действительно поведала сокровенную тайну.

– Я тебе ещё позвоню, – уверенно пообещал собеседник,

словно информация о носках на самом деле подтолкнула его к этому решению. – Спокойной ночи, Несмеяна. Не плачь, а то лицо завтра опухнет, как у чукотского пчеловода. В твоём возрасте нельзя реветь и нужно высыпаться.

– Спокойной ночи, Патрик.

Раздался короткий писк, оповещающий о разъединении. Лёля ещё какое-то время смотрела на телефон и глупо улыбалась. Незаметно для себя она задремала, погружаясь в сон, как в объятия.

Глава 4. Семья

Поездки в родной дом Лёля воспринимала, как лиса возвращение в капкан, из которого выбралась, откусив себе лапу. Уже прошёл месяц, с тех пор как она в последний раз навещала семью. Телефонные атаки мамы учащались с каждым днём. Лёля реагировала на все вызовы, бросаясь к мобильнику, и разочарованно опознавала мамину физиономию на экране. Она не сразу призналась самой себе в том, что ожидает звонка ночного собеседника. Но после удивительной близости, возникшей ночью четыре дня назад, он больше не позвонил ни разу. Лёля нарекла незнакомца Патриком, сохранив номер. И часто ловила себя на мысли, что вспоминает его реплики, перебирая их в памяти, как драгоценные камни.

Укладывая в машину сумку, Лёля бросила обеспокоенный взгляд на детскую площадку. Соседка уже сидела на качелях с таким видом, будто выполняла монотонную приевшуюся работу. Растрёпанные волосы сверху приминали объёмные наушники: школьница предпочитала музыку, а не общение с ровесниками. Когда во дворе оказывались другие ребята, она никогда не присоединялась к их компании, даже не останавливала качели. Бабушки во дворе прозвали девушку псих-одиночка. Настоящее же имя помнили разве что родители этой странной особы.

Лёля зябко передёрнула плечами: погода не располагала к прогулкам. Кудрявые облака заволокли небосвод, как пенка капучино. Уже третий день серые тучи висели угрожающе низко и обещали разродиться снегом в любую минуту. Воздух застыл, насытившись влагой в ожидании первого в этом году настоящего снегопада.

Юркнув в выстуженный салон, Лёля повернула ключ зажигания. Автомобиль сначала вредничал: трясся, как в лихорадке, даже как будто рыдал, но всё-таки завелся. Видимо, не обойтись без поездки на СТО, иначе в один прекрасный день она останется наедине с трупом своей машины, без шансов на реанимацию.

По дороге в отчий дом Лёля набиралась терпения, уговаривала себя не реагировать остро на замечания мамы, слушать, но не вслушиваться. Но уже с порога наращённый защитный панцирь рухнул и осыпался осколками у ног.

Нина Валерьевна критически оглядела дочку, аккуратно заправила выбившиеся пряди волос за уши и только потом обняла.

– Ты не в том возрасте, когда можно пренебрегать полноценным сном.

– Да я высыпаюсь.

– Вижу.

Лёля побрела вслед за мамой, почувствовав себя нашкодившей ученицей. Как только она переступала порог родительского дома, возникало ощущение, будто вернулась в

прошное: ей снова пятнадцать, и каждый шаг требует одобрения.

Квартиру в многоэтажке Нина Валерьевна давно уже сменила на частный сектор. Подработка репетитором пришлась очень кстати и ускорила процесс накопления средств на двухэтажную мечту с балконом.

Просторный дом выглядел как декорация к фильму. Здесь не было ни одной случайной вещи, купленной под влиянием эмоций. Всё в доме дышало гармонией и сочеталось друг с другом. Несколько лет Нина Валерьевна потратила на создание интерьера: тщательно подбирала элементы декора, шторы и диванные подушки с мебелью. Каждая комната была выдержана в определённых цветах и носила соответствующее название. Больше всего Лёля не любила большую гостиную, в изобилии украшенную розами всех мастей. Объёмные букеты из матерчатых цветов занимали напольные вазы. Лёля до сих пор помнила, сколько времени тратила на избавление искусственных бутонов от пыли.

А вот мама гордилась обстановкой каждой комнаты, охотно демонстрировала гостям последние приобретения и делилась историями покупок. Особенно её восхищало собственное умение экономить. Нина Валерьевна могла назвать как минимум три точки, где продаётся такая же вещь, только дороже, чем удалось урвать ей. А вот о том, насколько нужен очередной сувенир, она не задумывалась.

Лёля сразу обратила внимание на подпорки для книг в ви-

де половинок дерева и новый цветочный горшок с необычным орнаментом. Она собиралась похвалить новые безделушки, но почему-то передумала. В ней проснулась какая-то тяга к мелкой мести: она знала, что мама ждёт слов похвалы, и назло не стала их произносить.

Лёля медленно, не задерживаясь, окинула комнату взглядом, но внезапно снова посмотрела на панорамное окно. За письменным столом спиной к двери расположился отчим. Поначалу Лёля приняла его за предмет мебелировки, настолько он был неподвижен и погружен в ноутбук. Невысокий, пузатенький, как сахарница с ручками. С гладкой, как крышка этой самой сахарницы, макушкой. Нина Валерьевна называла мужа по отчеству – Викторович, хотя он был на семь лет моложе жены. Постепенно все начинали обращаться к нему именно так, даже Лёля.

Нина Валерьевна вышла замуж в третий раз, когда Лёля заканчивала институт. С новым отчимом она не враждовала, приняла его появление легко, хотя родным и близким он так и не стал, задержавшись на стадии хорошего знакомого. Лёля никогда не откровенничала с ним, а он, в свою очередь, не пытался её поучать. Они общались как коллеги, одинаково придавленные властью деспотичного начальника. Только вот Викторович не казался несчастным, роль иждивенца в собственном доме его вполне устраивала.

Нина Валерьевна прокашлялась, привлекая к себе внимание. Дождавшись, когда муж повернётся, строго заметила:

– Отклейся уже от ноутбука, что ты там опять заказал? Очередную ерунду? Приходит всякий шлак, а я потом оплачиваю.

Уже три года Викторovich находился в поисках работы. Имея диплом механика, использовал его как закладку в книге. Большую часть дня просиживал в интернете на различных сайтах, где периодически отоваривался оригинальными и порой совсем не пригодными в реальной жизни вещами. Нина Валерьевна постоянно дёргала мужа, пытаясь оттащить от ноутбука, позорила, обзывая транжирой, но стоило Викторovichу на самом деле отлучиться от компьютера больше чем на полдня, загоняла его обратно, чтоб не путался под ногами.

Викторovich поспешно закрыл окна на экране ноутбука и развернулся.

– Между прочим, тебе заказал овощерезку, – немного виновато улыбнулся он. – Привет, Лёля. Как доехала? Резину меняла? Обещают, что буквально на днях к нам придёт зима.

– Не меняла ещё. Да я и езжу редко. Она заводится плохо.

– Посмотрю, что там с твоей машинкой.

Викторovich поднялся, задвинул кресло, сложил ручки в подставку, выровнял стопку листов. Стол снова выглядел как выставочный экспонат из Икеи¹¹. Ни следа беспоряд-

¹¹ Икея – основанная в Швеции нидерландская производственно-торговая группа компаний, владелец одной из крупнейших в мире торговых сетей по продаже мебели и товаров для дома.

ка: всё параллельно и перпендикулярно. Лёля саркастично хмыкнула: быстро мама выдрессировала отчима.

Викторович выскользнул из комнаты, чмокнув по пути жену. Нина Валерьевна нахмурилась, но в углу её рта притаилась улыбка.

Мама пересекла широкую гостиную, у стола оглянулась на Лёлю. Присмотрелась к ней внимательно, чуть сдвинула брови, набредя на какую-то неприятную мысль.

– Почисти картошку, будем запекать в духовке. Салат я уже сделала, осталось только заправить.

Лёля надела фартук, вымыла руки и приступила к выполнению задания. Мама расставляла на столе тарелки, не переставая поглядывать на дочку.

– Ты куда столько срезаешь? Горох останется.

Лёля заметила, что, задумавшись, ополовинила картофелину. Неумение экономить Нина Валерьевна причисляла к смертным грехам, и Лёля постоянно носила звание грешницы, потому как экономить не умела совершенно.

Когда Лёля поставила противень в духовку, мама наконец начала традиционную воспитательную беседу о супружеском существовании дочери.

– Как Герман поживает?

Прежде чем ответить, Лёля заняла руки протиранием бокалов. Вроде бы безобидный вопрос на самом деле содержал скрытый смысл. Герман сам по себе маму мало интересовал, а вот по отношению к Лёле – очень даже. Уже почти семь

лет как Лев впал в немилость. Поначалу Нина Валерьевна возлагала на него большие надежды, радовалась возможности пристроить мягкохарактерную дочь под крыло перспективного спортсмена. В разрыве отношений винила Лёлю и, когда он вернулся в жизнь дочери, активизировалась в попытках сбыть её замуж.

Через год она поняла, что лучший друг дочери расстаться с этим невразумительным статусом не намерен и связывать себя семейными узами не планирует. Герман тут же разонравился Нине Валерьевне. Теперь его репутацию могло бы спасти только предложение руки и сердца на фоне Эйфелевой башни и желательно с объявлением об этом событии по центральному каналу.

Лёля отставила хрупкий бокал в сторону и взялась за следующий.

– Герман вернулся с соревнований. Его ребята победили.

Нина Валерьевна взяла вытертый дочерью бокал и покрутила его на свету. Чуть поджала губы и принялась вытирать заново.

– Тебе уже тридцать лет, это, знаешь ли, не тот возраст, когда строят планы. Пора их уже осуществлять, а не грезить о радужном будущем.

– Мне двадцать девять, – поправила Лёля.

С цифрой тридцать она никак не хотела соглашаться, открепивалась от грядущего юбилея с каждым днём всё яростней.

Нина Валерьевна молча перетёрла за Лёлей все бокалы, подсунула салфетки и продолжила воспитательную беседу:

– А что насчёт работы? Пора подумать о более серьёзной должности с возможностями карьерного роста.

– Мне нравится работать в магазине, – попыталась оправдаться Лёля. – Зарплата там...

– Знаю, знаю, – бесцеремонно перебила Нина Валерьевна. – Только из-за зарплаты я согласилась. Но ты же не планируешь до конца своих дней проработать кем-то в роде «принеси-подай»?

На какое-то мгновенье в Лёле вспыхнуло непривычное желание возразить, но осуждающий взгляд мамы погасил его мгновенно. В чём-то она была согласна с родительницей: работа не приносила наслаждения, оставаясь источником дохода и не более. От мысли, что и в сорок лет она будет противостоять маниакальной жажде Василия Николаевича облачиться в крокодиловый монолук¹², становилось грустно. А вот чего она хочет на самом деле, в чем видит своё призвание, Лёля не знала. Да и времени разобраться в собственных желаниях всегда оказывалось недостаточно: с одной нелюбимой работы она мигрировала на другую без передышек в виде безработицы.

– Не собираюсь, наверно, – неуверенно проговорила Лёля.

Нина Валерьевна выдержала пять минут, потом забрала чуть измятую стопку салфеток и сложила из них замыслова-

¹² Монолук – однотонный наряд, зачастую из одного материала.

тые кораблики.

– Так что там с Германом, он думает о серьёзных отношениях или нет?

– Мам, всё сложно, – Лёля устало смахнула прядь со лба. – Только не вздумай с ним обо мне говорить...

Нина Валерьевна не успела опустить слегка виноватый взгляд. Неприятная догадка тут же пребольно стукнула Лёлю в лоб:

– О боже, ты уже поговорила с ним? Когда ты успела? Мам!

Лёля судорожно стянула фартук, бросила его на стул и убежала из комнаты.

Давно ей не было так стыдно. Пожалуй, всего три раза в жизни такое и случалось. Волна гнева, густо замешанного на волнении и жутком смущении, захлестнула с ног до головы. Лёля накинула пальто и убежала из дома. Остановилась в нерешительности на пороге и ринулась к гаражу. Оббежав каменную постройку, приникла к стене и дала волю слезам.

Мама не в первый раз вмешивалась в её личную жизнь. Нахраписто, как вездеход. И каждый раз Лёля испытывала жгучий стыд и расхлёбывала последствия. В этот раз мамин вторжение могло растоптать те жалкие крохи чувств, что Герман иногда демонстрировал, обычно предпочитая прятать под толстым слоем дружбы.

Лёля хорошо помнила тот первый раз, когда мама, как обычно из лучших побуждений, проделала подобный трюк.

С десяти лет Лёля вела дневник. Поначалу записывала в него любимые стихотворения и простенькие цитаты из девчачьих анкет вроде: «Белый лебедь – белый пух, не влюбляйся сразу в двух». Постепенно записи стали пополняться откровениями личного характера. Всё, что Лёля не могла озвучить, чем боялась поделиться с Машей, записывала. С каждым годом дневники разрастались, углубляясь самокопанием. Помимо событий, которых в жизни прилежной Лёли происходило не так уж и много, она писала об одноклассниках, учителях, даже об актёрах.

Когда в её жизни появился Герман, страницы дневника запестрели любовными переживаниями. Лёля не понимала, что происходит, сомневалась в каждом взгляде и жесте и не могла разобраться в собственных чувствах. Герман слыл мечтой большинства девчонок, о нём сплетничали на переменах под лестницей, ему же посвящали похабные стишки на стенах в женском туалете. От далёкого недостижимого кумира в виде знаменитого певца он отличался не так уж и сильно. Вокруг него постоянно вертелись преданные фанатки, не пропускавшие ни одной игры. Они добросовестно разрисовывали плакаты для поддержки любимой волейбольной команды и надрывали горло, выкрикивая не название сборной, а прозвище капитана – Лев.

Но после дня самоуправления Герман почему-то снизошёл до тихой и воспитанной Лёли. Он не флиртовал с ней, не заигрывал и даже не пытался распускать руки, хотя слухи о нём ходили не такие уж и невинные. Их дружба носила платонический характер и пока ещё не доросла даже до первого поцелуя. Герман не торопился, выжидал. Почему он медлит, Лёля не знала и, естественно, искала причины в своём характере. Всего за месяц она убедила себя в симпатии к Герману и с трепетом ожидала от него действий.

По девичьи наивные переживания и мечты она выплеснула в дневник, расписав подробными цветистыми рассуждениями об ожидаемом первом поцелуе и о страхе перед близостью. На соседних страницах сокрушалась о тающей дружбе с Машей, винила себя за чувства к Герману и осуждала самого виновника размолвки. Запуталась окончательно и обильно сдобрила последние страницы слезами.

Однажды, вернувшись из школы, Лёля заметила свой дневник не в стопке тетрадей, где он маскировался под школьные талмуды, а на полке. Волна страха прокатилась по спине, приподнимая волосы на затылке, в животе похолодело. С опаской протянув руку к дневнику, Лёля раскрыла его на первой попавшейся странице. Как назло, тетрадь распахнулась именно на последних записях. От высохших слёз страницы сморщились, и дневник услужливо открывался на пылких признаниях в любви к Герману.

Лёля спрятала дневник под матрас и села сверху. Остава-

лась призрачная надежда, что тетрадь с сокровенными мыслями просто выпала во время уборки и мама не читала его. Только вот на следующий день Германа вызвали к директору, где ему предстояла беседа ещё и с завучем. Нина Валерьевна похвалила его за сдержанность по отношению к дочери и прозрачно намекнула, что такая сдержанность приветствуется. В противном случае у него могут возникнуть проблемы с поездками на соревнования. Администрация школы закрывала глаза на многочисленные пропуски, и эта привилегия может кануть в небытие, если Герман позволит себе тесное знакомство с дочерью завуча.

Лёля могла бы и не узнать о мамином поступке, если бы та сама не призналась, что читала дневник. Ничего предосудительного она в этом не видела и считала проявлением родительской заботы. Деловито сообщила, что Герман – хорошая партия: красив, физически здоров, и семья у него подходящая. Посоветовала не упустить такую выгодную партию и вести себя достойно.

О воспитательной беседе с Германом Лёля узнала гораздо позже, уже после первого поцелуя, и тогда её повторно накрыло волной смущения и гнева.

* * *

И вот сейчас, спустя столько лет, она снова вынуждена бороться с приступом стыда и злости, порождённым старани-

ями мамы организовать её личную жизнь.

Лёля запахнула пальто плотнее, подняла воротник. Холод щипал оголённые щиколотки: она не переобулась и выбежала в домашних тапочках. Лёля уже надумала возвращаться в дом, когда увидела занимательное действо. С другой стороны гаража, словно вор, крался отчим. Лёлю он, естественно, не видел, скользил, контролируя обзор со стороны дома. Чиркнул зажигалкой и только потом повернулся. Увидев Лёлю, Викторович застыл в нелепой полусогнутой позе, зажжённая сигарета повисла на нижней губе.

– Я не знала, что вы курите.

Викторович тяжело сглотнул.

– Не курю.

– Ну да, – легко согласилась Лёля.

Он с нескрываемым блаженством выдохнул облако пара вместе с сигаретным дымом.

– Маме не говори. Иногда балуюсь.

Лёля несколько минут молча наблюдала за отчимом. Когда он докурил и принялся набивать рот жвачкой, неожиданно поинтересовалась:

– Как вы можете её любить?

Викторович спрятал окурок в жестяную трубу, где уже несколько лет находилось кладбище останков пагубной привычки. Принялся вытирать пальцы ароматными влажными салфетками. Придирчиво принюхался к собственному дыханию.

– А вот так.

Лёля недоверчиво сощурилась.

– Не понимаю. Разве это любовь? Вам же постоянно приходится скрываться, даже вот с сигаретами.

Викторович неопределённо пожал плечами.

– Я уже достаточно повидал, чтобы понимать: мне нужна именно такая женщина, как твоя мама. Я не альфа-самец, если ты не заметила. Я просто признался себе: она сильнее меня и умнее. Она именно тот человек, что мне подходит. И да, я её люблю.

Лёля возмущенно фыркнула.

– Она, она... – тут напрашивалось более хлёсткое слово, но Лёля на него не решилась. – Она неправа!

– Я уже был в браке дважды, как и Нина. И знаешь, что самое странное: все мои жёны были такими же жёсткими женщинами. Раз за разом я выбирал волевых и властных дам и страдал, пытаясь выбраться из-под гнёта, – Викторович широко развёл руки и склонил голову. – Я только недавно сделал открытие: не могу по-другому. Именно в этой роли мне уютно и спокойно, а попытки занять не свою нишу постоянно приводили к краху брака и депрессии. Видимо, это именно то, что мне нужно, другой типаж я любить не смогу. Теперь я это понял и смирился.

Лёля поморщилась: неужели она такая же, как отчим, и нужно просто смириться с незавидной ролью в жизни Германа и принять всё как есть?

– Да, вы философ, – она тряхнула головой, пытаясь избавиться от гнетущих мыслей. – И всё-таки она неправа.

– Возможно. Нина часто перегибает палку. Но скажу банальность: она переживает за тебя и хочет защитить. Ты же знаешь, сколько ей пришлось пережить?

Лёля уткнулась носом в поднятый воротник и пробурчала:

– Знаю. Я эту назидательную историю каждый приезд слышу. Как она в шестнадцать лет зарабатывала мытьём полов в парикмахерских и кафе. Питалась хлебом и картошкой неделями. Носила калоши и прохудившееся пальто. Заочно училась и самостоятельно пробиралась вверх по карьерной лестнице. Как вышла замуж по большой любви и... похоронила первого мужа, будучи беременной мной.

Викторович воздел к небу указательный палец:

– Именно.

Лёля бросила на отчима взгляд исподлобья, пытаясь понять по его лицу, знает ли он полную версию первого замужества. Судя по всему, не знал, а если и знал, то не придавал этому значения.

– Я замёрзла, пора возвращаться в дом.

Едва переступив порог, Лёля услышала незнакомые голоса. Оказывается, пока она остывала на улице, в гости пришла соседка. Подругой Нина Валерьевна её не считала и не допустила в близкий круг, хотя довольно часто выручала деньгами и делала одолжения за счёт обширных знакомств. У ма-

тери, помимо декорирования родового гнезда, было необычное хобби: оказывать услуги малознакомым людям, а потом купаться в их признательности.

Повесив пальто, Лёля обреченно побрела на кухню. Собеседницы переглянулись и продолжили прерванный разговор.

Налив чаю, Лёля села за дальний конец стола, намереваясь спокойно перекусить, пока мама занята гостей. Поначалу она не вслушивалась в беседу, но вскоре поняла, что та начата не просто так, а в расчёте на её присутствие.

Соседка озабоченно покачала головой, соглашаясь с непутёвостью нынешнего поколения, а мама чётко и громко произнесла:

– Всё ждут фейерверков и неземной любви, а нужно всего лишь оглядеться и пораскинуть мозгами. Можно влюбиться без памяти, но толку из такой любви не выйдет. Как только эйфория от первого впечатления рассеется и утихнут гормоны, как черти из табакерки, повыпрыгивают недостатки партнёра, что раньше казались милыми и несущественными.

– Да уж, на сердце в этом деле рассчитывать нельзя, – поддакнула гостя.

– А на что тогда рассчитывать? – вмешалась Лёля, перемещаясь вместе с чашкой ближе к собеседницам.

Мама откинулась на спинку, смерила дочь суровым взглядом.

– Долговременный устойчивый брак – это союз не столько сердец, сколько мозгов. Не импульсивный поступок, а обду-

манное взвешенное решение.

Лёля промолчала: в такую правду ей никак не хотелось верить. А как же прикосновения, от которых перехватывает дыхание, взгляды, поцелуи, раскачивающие землю под ногами?

Из раздумий её вырвал вопрос соседки:

– Когда тебе удобно прийти на собеседование?

– Что?

Нина Валерьевна осуждающе покачала головой и заново озвучила предложение гостьи.

– Тебе предлагают замечательное место юриста в частной конторе. Пройдёшь собеседование на следующей неделе, доработаешь положенный срок в своём салоне и можешь наконец-то использовать диплом по назначению.

– Я не планировала менять работу, – слабо запротестовала Лёля.

– Так радуйся, что подвернулась возможность сбежать из магазина. Упустить такую должность – большая глупость. – И уже повернувшись к соседке, безапелляционно добавила: – Она придёт на собеседование в первый же выходной.

Лёля снова уткнулась в чашку, погрузившись в мысли. Едва не пропустив очередной вопрос:

– Лёля, господи, ну как с тобой можно разговаривать? Опять витаешь в облаках.

– Что?

– Почему не ужинаешь, спрашиваю? Как и Машка, на по-

жизненной диете?

– Аппетита нет, – мрачно призналась Лёля, коротко зыркнув на ту, что его испортила.

Нина Валерьевна устало вздохнула.

– Ты иногда так на Викторовича похожа, будто родная дочь. Такая же неотмирасевосенька. Он на днях забрал с почты очередную посылку. Хвастался, что урвал за копейки фирменную кастрюлю. Обещал мне подарок.

– Плохая кастрюля оказалась? – не выдержала соседка.

– Да нет, качественная, – Нина Валерьевна резко встала. – Сейчас покажу.

Лёля тотчас заподозрила подвох: мама не открыла большой нижний ящик, где хранились объёмные чашки, кастрюли и сковороды, а потянула за ручку верхнюю узкую дверцу, за которой скрывались баночки с приправами.

Кастрюля на самом деле выглядела фирменной и качественной, только вот годилась для приготовления супа на одну порцию для маленького неголодного ребёнка. Нина Валерьевна определила кастрюльку под сушёную паприку и демонстрировала гостям в качестве анекдота.

Лёля тоже улыбнулась, но тут же представила, как мама бушевала, когда отчим распаковал микроскопическую посудину, и поникла. Сейчас это казалось смешным, а в тот момент от её гнева наверняка раскачивались стены, а потом она, скорее всего, на несколько дней объявила молчаливый бойкот. Это мама умела лучше всех – показательно игнори-

ровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.